

"Гадкий утенок, или Повесть о первой любви"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталья БАКЛИНА

Гадкий утенок, или Повесть о первой любви

— Мама, я сделала это! — Дочь плюхнулась на стул, обхватила кружку обеими руками, сделала большой глоток какао.

Явилась она поздно ночью, стараясь не очень шуметь. Но Шурочка не могла заснуть, пока дочки не было дома, хоть и знала, что Костик проводит ее до дверей.

— Я переспала с Костиком. Мне не понравилось, — сказала дочь и с вызовом посмотрела на мать.

— И что ты теперь будешь делать? — Шурочка пыталась говорить максимально спокойным тоном, хотя сердце ее сжалось и затрепыхалось где-то у горла. «Девочка моя, девочка, что же ты так торопишься взрослеть!» — подумала она. А вслух сказала: — Дочь, не рано ли ты начала сексуальные эксперименты?

— Мама, мне уже почти восемнадцать, некоторые девчонки из нашего класса с шестнадцати лет с мальчишками живут. У нас только две девственницы оставалось — я и Ирка Барышева. Ирка страшная как смерть, на нее никто и не смотрит. А я боялась все время. А теперь решилась. И распрощалась с этой распроклятой девственностью! Теперь я — как все!

— Ты Костика хоть любишь?

— Мам, да при чем здесь любовь! Это нужно было как к врачу сходить!

— Девочка моя, зря ты это скомкала! Надо было с любимым человеком, в особой обстановке! Это же событие!

— Да ладно тебе, событие, — отмахнулась дочь. — Ты сама-то с девственностью как расставалась? Под звук фанфар? А, молчишь! То-то же.

Дочка быстренько дохлебала свое какао, влезла в неизменные джинсы и натянула кофточку, едва прикрывавшую пупок. Пупок подмигнул Шурочке голубым глазком пирсинга. Мазнула тушью по ресницам, покусала пухлые губы, отчего они запунцовели, провела по ним розовым блеском. Затем расчесала темные волосы, отросшие ниже лопаток, подхватила сумку на ремешке и, чмокнув воздух возле материнной щеки, унеслась в институт.

«Никаких переживаний, никаких эмоций. Все они нынче, что ли, такие, или моя исключение? — думала Шурочка. — Или моей красивой самоуверенной дочери понадобилось подтверждение, что она не уродина? Черт, неужели от меня досталась эта рефлексия? Как она меня поддела с моей девственностью...» И Шурочка вспомнила, как все случилось у нее. Был 1984 год...

Глава 1

«Группы 9331 и 9332 — сбор с вещами возле восьмого корпуса завтра в 10-00».

Объявление на дверях деканата расставляло все точки над «i». Они, действительно, едут завтра на сельхозработы. По крайней мере, те, кто успел вернуться после каникул. Шурочка Панова еще раз мысленно пробежалась по списку вещей, что нужно взять с собой: три футболки, пару штанов, свитер, куртку, кеды, тапочки, сапоги резиновые с утеплителем. Лифчики, пожалуй,

не возьмет. Они совершенно ни к чему были, когда их в школе на хлопок посылали. Грудь у нее маленькая, едва на первый номер вытягивает, под тремя одежками и не видно ничего. А Томская область не Ташкент, уже август, быстро похолодает, как раз по три одежки напяливать придется. Спортивный костюм еще надо. Правда, красный он, как пожарная машина, другого маме достать не удалось. Да и ладно, пусть красный.

Шурочка в который раз отвела челку с очков. Новой прическе был всего второй день, и она еще не очень привыкла к кудряшкам. Остричь волосы Шурочка решила сразу по приезде с каникул да еще и завивку сделала химическую, чтобы лучше лежали. Волосы не подвели: легли красивыми крупными кольцами и даже цвет изменили, стали слегка каштанового оттенка.

Все два месяца, что жила дома в Ташкенте, Шурочка пыталась пойти постричься, да мама все отговаривала. Мол, волосы у тебя жидкие, непослушные. Пока длинные, ты их хоть в пучок соберешь, а повиснут прядями — не уложишь. Шурочка сдавалась, так как хорошо помнила свою последнюю стрижку. Ей было шесть лет, и мама отвела ее в парикмахерскую, мечтая, как куцые дочкины косички превратятся в аккуратное каре с челочкой набекрень. «Набекрень» не получился. Оказалось, что у лба волосы у Шурочки растут не вниз, а вверх, вихром. И челочка у лба оттопыривается смешной загогулиной, как ты ее ни приглаживай. Шурочка потом с полгода ходила с бантом, завязанным чуть ли не на лбу: мама собирала вихрастую челку и крепко-накрепко завязывала ее в короткий хвостик. И при этом приговаривала, как дочке не повезло с волосами. Потом, когда Шурочка подросла, и волосы у нее отросли (правда, ниже лопаток они никогда не выростали, хотя их никто не стриг: так, подрезали посеченные кончики и все), мама частенько приговаривала, что дочке и с внешностью не повезло. Шурочка смотрела на себя в зеркало и соглашалась: не повезло. Щеки толстые, нос курносый, конопушки. Она всегда была толстой щекастой девочкой, а когда в десять лет надела очки, то и вовсе приобрела классическую внешность умненькой дурнушки.

При этом Шурочка была влюбчивой чрезвычайно. Ей был жизненно необходим объект для вздыханий — чтобы было кого выискивать взглядом в школьных коридорах и слышать собственный учащенный пульс оттого, что Он мазнул по ней равнодушным взглядом, чтобы мечтать перед сном, как Он падает к ее ногам и клянется в огромной и пожизненной любви, чтобы писать стихи в тетрадку, рифмуя «вновь-любовь» и «тебя-любя». В эти игры она играла лет с восьми. И от безответных «любовей» страдала столько же: за все десять лет, от восьми до нынешних восемнадцати, мальчики обратили на нее внимание лишь дважды. В одиннадцать лет в пионерском лагере в нее влюбился мальчик Вова. Он был толстым и лопоухим, похожим на маленького смешного слоненка. Все в отряде над ним посмеивались, а она — нет. Вова был младше Шурочки на целый год и под объект страсти никак не подходил. Им с Шурочкой поручили рисовать отрядную газету, и они рисовали, болтали, им было интересно вместе. А потом Вова начал приглашать ее на танцах, и все в отряде смеялись над Шурочкой, и тогда она попросила Вову не лезть к ней.

В следующее лето, опять же в лагере за ней робко и трогательно ухаживал мальчик Марат. Он был ниже рослой акселератки Шурочки на целую голову. Марат приносил ей веточки с облепихой и горстки ежевики в баночке. Делал он это потихоньку, не напоказ, и Шурочке было приятно принимать его знаки внимания.

И на этом все! Шурочку в пионерском лагере, куда она ездила каждое лето, почти никогда не приглашали на танцах, а если приглашали, то только чтобы разбить девчачью пару. Девочки танцевали друг с другом, и когда мальчику нравилась одна из девочек, он уговаривал кого-нибудь приятеля потанцевать со второй. Вот такие «довески» Шурочке и доставались. На школьных дискотеках ее тоже не приглашали. А на городские дискотеки она не ходила — мама

была категорически против. И вообще велела, чтобы дочь была дома ровно в восемь вечера. Вон, лучше книжку почитай. И Шурочка читала, особенно зачитываясь романами о сельской жизни. Какие в этих книжках были трактористы и доярки! Как красиво они друг друга любили! Как складно рассуждали о будущем и строили колхозную жизнь! Как пели и плясали под гармонь! Как романтично сидели на завалинках под звездным небом и встречали рассвет в росистых травах! И вот теперь она увидит это собственными глазами — едет в совхоз!

Глава 2

До совхоза добирались часов восемь. Сначала два часа по реке Томи на «Ракете», потом автобусом по пыльной дороге. Где-то на полпути в автобус зашел мужичок в синей куртке и черной шляпе и сказал, что ему нужно двадцать человек. Из их первой группы ехало всего десять — остальной народ еще не собрался после каникул, поэтому с мужичком вышла вторая группа целиком, в основном одни девчонки. После Шурочка узнала, что их определили на ферму доить коров.

Деревня, куда их привезли, называлась «Горе-ловка», а совхоз, на который предстояло работать, — «Путь Ильича». Поселили студентов в огромном спортзале при деревенском клубе. Клуб был огорожен невысоким штакетником, вход в спортзал находился рядом с танцплощадкой — низким дощатым помостом с заборчиком и дощатыми лавками по периметру. Прямо возле клуба росла огромная старая липа, под ней стоял столб с двумя рукомоиниками. Чуть дальше виднелся сортир на две будочки, еще дальше тропка выводила к деревенскому пруду. Пруд был огромный, как маленькое озеро. В темной воде отражались домики «запрудной» улицы, ближе к тому берегу плавали гуси. Красота! Недалеко от берега в траве лежало бревно, стесанное сверху так, чтобы можно было сидеть.

Спортзал был на манер солдатской казармы уставлен рядами железных кроватей с панцирными сетками. Примерно треть спортзала была отгорожена брезентовыми занавесками. Они выделяли закуток для девочек, а мальчиков поселили в проходной части.

Шурочка плюхнулась на свою кровать и покачала задом. Сетка даже под ее пятьюдесятью пятью килограммами растянулась изрядно. Шурочка прилегла — ничего, так себе гамачек! Обстановка сильно напоминала пионерский лагерь — там тоже были корпуса с большими комнатами-казармами и комната мальчиков была проходной. Каждое лето Шурочка ездила в один и тот же лагерь на все три месяца, и каждое лето означало для нее новую влюбленность. Вот и сейчас, будто получив команду, сердце зануло в предчувствии любви.

«Ну, и в кого тут влюбляться?» — проводила ревизию Шурочка, сидя на лавке возле клуба. Все они там толклись в ожидании, когда их отведут в столовую. Четыре девочки и пять мальчиков. Девять человек из Шурочкиной первой группы, а десятым к ним прикрепили новенького, его звали Борис. Борис восстановился на втором курсе после армии, собирался учиться в третьей группе, но его группу отправили на сельхозработы раньше, поэтому пришлось ему ехать с ними. Девчонки уже успели прозвать парня между собой Борюсиком. Борюсик был невысокий, но симпатичный. И, главное, была в нем некоторая тайна, загадка была. Сидит себе тихонечко, улыбается легкой улыбкой, в разговоры не вступает, на вопросы отвечает односложно и смотрит внимательно так. И взрослый, уже армию отслужил, не то что их мальчишки-одногоруппники, школьники вчерашние!

Шурочка еще раз провела мысленную ревизию. В кого тут влюбляться? Вовка Иванишин, хмурый, худой, с движениями Железного Дровосека, вон, жестикулирует так, будто у него в суставах смазка кончается. Явное не то. Гена Цой, высокий поджарый кореец в очках. Хороший парень, они вместе с Шурочкой учились на лыжах ходить и оба — одинаково

безуспешно. И в Генкином Джамбуле, и в Шурочкином Ташкенте снег бывает раз в году по полчаса, лыжи они до сих пор видели только по телевизору. А тут, в Сибири, нате вам — сдавайте норматив на время. На почве (или на снегу?) лыжных преодолений Шурочка и Гена сдружились и даже конспектами обменивались, и лабораторные работы делали вместе иногда. Но на героя романа Гена не тянул. На него сердце не ёкало. Игорюня Жаров. Этот даже не обсуждается. Игорюня, и этим все сказано. Вон стоит, улыбается блаженно, мотня на трикотажных растянутых трениках болтается возле колен. Игорюня был немного не от мира сего. Узкие серые глазки из-под тяжелых век смотрели на мир рассеянно и близоруко, с пухлых губ не сходила вечная полуулыбка, и все его плоское круглое лицо, украшенное пипочкой носа практически без переносицы, забрызганное крапинами веснушек и обрамленное буйными рыжеватыми кудрями, делало Игорюню в лучшем случае комическим персонажем, но никак не героем-любовником.

Еще один — Вовка, Макаров. Тоже мимо. Маленький, белобрысенький, остроносенький, похож на делового ежика. Макаров выглядел от силы на шестнадцать лет, хотя был старше всех в группе, ему было двадцать два года, и он даже успел жениться.

В общем, подвела итог Шурочка, уж если и влюбляться, то в Борюсика. И тут их позвали на обед.

Деревенская столовая оказалась вполне приличным заведением. Большая бревенчатая изба делилась на три части, в одной из которых расположился магазин, во второй — обеденный зал, в третьей, судя по всему — кухня. Поварихи, одетые в белые халаты и высокие колпаки из накрахмаленной марли, стояли за хромированной стойкой-барьером и споро разливали оголодавшим студентам наваристый борщ, наваливали гуляш с рисом, наливали компот. Порции были огромные. Тут же в сторонке стояли стаканы с молоком. Молоко уже отстоялось, и видно было, что треть стакана — сливки.

Вот это да! После их студенческой столовки, где молоко отдавало порошком, а котлеты лепили преимущественно из хлеба (Шурочка как-то взяла котлету, но она была сладкой и пахла ванилью: ее явно слепили из зачерствевших булок), совхозный обед показался просто пиршеством. И платить не надо — всех переписали в столбик, будут удерживать из зарплаты. Класс!

— Девочки, — попросила Шурочка соседок за столом, — чур, я занимаю место при кухне. Если скажут, что нужно идти поварам помогать, я иду. Ладно?

— Ладно, — пожала плечами Эльвира Абдулаева, — лично я терпеть не могу готовить.

— Ты же не умеешь стряпать, — прищурилась Ира Зинченко. — Помнишь, какой ты суп сварила?

— И кашу гречневую, — захихикала Леночка Голованова, перекидывая за спину роскошную русую косу.

Девчонки жили с Шурочкой в одной комнате в общежитии. Когда через месяц студенческой жизни им надоело давиться в столовке хлебными котлетами — после таких обедов голод возвращался слишком быстро, а изжога оставалась слишком долго, — девчонки договорились скидываться и стряпать по очереди. Так выходило и дешевле, и сытнее. Шурочка к тому времени очень хорошо умела жарить картошку, яичницу и варить суп из пакета. Девчонки умели не намного больше. Разве что Эльвира была более опытной поварихой, у нее очень болела мать, и она до института тащила на себе домашнее хозяйство и присматривала за двумя

младшими сестрами. Эльвира подсказывала, чего сколько класть. Поэтому, когда Шурочка дежурила по кухне и решила сварить гречневую кашу, она честно спросила у Эльвиры, сколько брать крупы на четверых. Та сказала, что полтора стакана, и Шурочка послушно отмерила по полтора стакана на каждую. Всего шесть. И девять стаканов воды — эту пропорцию для гречки она помнила, мама объясняла. В итоге у нее сварилось полведра гречневой каши — оказывается, всего-то надо было брать полтора стакана! Правда, каша, сдобренная душистым подсолнечным маслом, получилась вкусная, рассыпчатая.

Полведра им бы пришлось есть дня четыре, поэтому решили позвать мальчишек. Мальчишки обычно спускали стипендию в первые две недели, а после голодными волками рыскали по коридору и караулили, кто из девчонок стряпает на кухне. А потом стучались в дверь — «Здрасьте, мы в гости. О, как кстати, прямо к ужину!» Девчачий небогатый бюджет — сами сэкономили и распределяли копейки от стипендии к стипендии — регулярные дружеские набеге выдержать не мог. Поэтому в стряпне применялись приемы маскировки. На кухне проводился минимум манипуляций, сам процесс приготовления еды проходил в комнате при закрытых дверях, верхний свет во время приема пищи не включался, стуки в дверь игнорировались — никого нет дома.

А тут Эльвира выглянула в коридор и подозвала Игорюню с Геной Цоем, которые безрезультатно стучались в комнату через три двери наискосок — никто им не открывал: девчонки, видимо, тоже ужинали. «Гена, Игорь, пойдете к нам кашу есть!» Те с радостью пошли, на призыв прибился еще и Яша с третьего курса, и три мужских пустых желудка за милую душу расправились с полуведерным запасом гречневой каши.

А с супом у Шурочки получилась такая история. С продуктами в Томске было не очень хорошо, из мясного — только куры, если в очереди постоять, и сырые котлеты, если повезет в универсаме застать, пока не расхватали. Пельмени еще продавали — розоватый фарш с неопознаваемым происхождением и тесто, которое намертво слипалось в месиво при малейшей разморозке. Если пельмени успевали донести из магазина до кастрюли раньше, чем они подтаивали, то их готовили классическим способом — варили. Если же пельмени успевали слипнуться, из этой массы можно было готовить «пельменные лепешки» — от массы отрывались кусочки, обваливались в муке и сплющивались в лепешечки. Лепешечки поджаривались в масле на сковородке. Получалось вполне съедобно, пока горячие. А остывать они и не успевали.

Курицу брать было дороговато — если целиком приготовить, уйдет недельный продуктовый бюджет, если по частям, то нет холодильника, чтобы хранить. Поэтому Шурочка посчитала большим везением, когда ей в ее дежурство по кухне удалось купить в универсаме куриный суповой набор: две лапы и петушиная голова с клювом. Шурочка помнила что-то такое смутное из детства, как мама варила супчик из таких лапок и гребешков. И вроде бы всю голову целиком варила. Шурочка старательно общипала остатки перьев с шеи и головы, как следует промыла лапы и с сомнением посмотрела на жесткие когти. С ними что делать? Вроде бы в мамином бульоне лапы были с когтями. На всякий случай тщательно промыла каждый коготок и загрузила набор в кастрюлю, решив на этот раз готовить на общежитской кухне. Вскипятила, сняла серую пену. Что-то мутноватый какой-то бульон... Ладно, в супе незаметно будет. Так, теперь туда луковицу, одну морковку, три картошки нарезать, горсть вермишели, лавровый лист, посолить... Готово! И понесла кастрюлю в комнату кормить девчонок.

— Что это? — спросила Эльвира, когда из половника на нее уставилась мутным глазом петушиная голова с плотно сомкнутым клювом и скукоженным гребнем набекрень.

— Лапша, — гордо сказала Шурочка, — на курином бульоне!

— А это? — Эльвира уже выложила голову на тарелку и достала вареную лапу. Лапа хищно целилась ей в лицо всеми четырьмя когтями.

— Это ножка. Куриная, — без энтузиазма в голосе объяснила Шурочка, уже чувствуя: ее стряпня не понравилась.

— С ножки нужно было чешую снять и когти. — Эльвира подцепила пленку на лапе, та слезла одним куском. Потом подцепила коготь, тот сполз чехольчиком, обнажив чистое светлое основание. Эльвира поболтала ложкой в тарелке, погоняв в сероватой жиже кусочки картофеля и вермишель.

— Шур, ты как хочешь, но я это есть не стану, я лучше чай попью с булочкой.

— Не умеешь готовить, так и не берись, — откликнулась толстушка Ира Зинченко, которая попробовала ложку Шурочкиного варева и тоже засобиравалась в столовую за булочкой.

— Да, а как я научусь тогда готовить, если не буду пробовать! — заспорила Шурочка.

— Ну, вот и пробуй, хоть всю кастрюлю. А мы в столовку пойдем, — подскочила и Леночка, и девчонки втроем умчались в столовую на первый этаж, оставив Шурочку наедине с вареной петушиной головой. Шурочке показалось, что петух смотрит на нее с укоризной.

— Что, и ты будешь критиковать, как я тебя сварила? — Шурочка выловила вторую лапу и пристроила ее к петушиной голове. Теперь композиция на тарелке напоминала картинку на трансформаторной будке «Не влезай, убьет!»: две перекрещенные лапы, и сверху — голова с клювом. Шурочка храбро зачерпнула ложку своей лапши и проглотила ее быстро, как лекарство. Привкус был странноватым. Горчило, пахло какой-то требухой. «Куриный бульон» это варево напоминало меньше всего.

В дверь постучались, в комнату просунулась голова Яши с третьего курса:

— Можно к вам в гости? О, мы как раз к ужину!

— Заходи, Яша, куриную лапшу будешь? — встала из-за стола Шурочка.

— Спрашиваешь! Конечно, буду! Мы тут с Павликом, ничего? И еще Петька со мной!

— Слушай, Яш, а давай я вам кастрюлю с собой отдам! Вы у себя в комнате поедите, а мне потом кастрюлю вернете!

— А с чего это ты такая добрая? — заподозревал Яша и попытался заглянуть за спину Шурочке — что там у нее на столе.

— Понимаешь, я наварила лапши, а девчонки сели на диету, отказываются есть мучное. А сама я всю кастрюлю не съем, не выкидывать же, жалко!

— Зачем выкидывать, не надо выкидывать. Давай сюда свою лапшу.

Шурочка бочком, чтобы Яша не разглядел лапы и голову, придвинулась к столу и развернулась за кастрюлей:

— Вот, возьми!

— А это у тебя что? — Яшка, оказывается, шел следом и разглядел-таки злосчастные куриные

останки.

— Мясо... Куриное...

— А мясо себе, что ли, оставляешь?

— Хочешь? Возьми.

Хочу, конечно. Мы его сейчас под сто граммов... — Яша плюхнул куриные лапы и голову в кастрюлю и потащил ее к выходу: — Мужики, живем! Все бы бабы сели на диету!

— Чего это он разорался, — в комнату первой вошла Леночка. В руках она несла пакет с булочками.

— От радости, я ему лапшу отдала, — ответила Шурочка.

— Смотри, как бы он не принес эту кастрюлю тебе на голову надеть, — съехидничала Зинченко, она вошла вслед за Леночкой. — Как выловит лапу с маникюром, так и прибежит говорить тебе отдельное спасибо.

— Не прибежит. Лапы он у меня выпросил вдобавок к лапше. Говорит, под сто граммов хорошо пойдут.

— Да, Панова, такое только спьяну и можно сожрать, — оставила за собой последнее слово Ира, разрезая пополам булочку и обильно смазывая ее яблочным повидлом.

И вот теперь вредная Зинченко опять вспоминает ей эту лапшу!

Глава 3

— М-да, изобилие, — констатировала Эльвира, оглядывая небогатый ассортимент местного сельпо: огромные жестяные банки с повидлом, маринованные огурцы в трехлитровых банках, мешки с крупой и макаронами, желтые слипшиеся конфеты без фантиков, ржавая селедка в корытце, портвейн «Агдам». У другой стены — рядок ватников, шеренга резиновых сапог, оцинкованные ведра, вставленные горкой одно в другое, кучки из лопат и грабель. Отдельно — черенки к ним. После ужина студентов предупредили, что завтра они встают в девять, завтракают и работают на зернохранилище. И девчонки пошли гулять по деревне, знакомиться. Для начала забрели в магазинчик напротив столовой.

— Зинок, мне свешай две селедки, триста грамм «Дунькиной радости», килограмм макарон и «Агдамчику» дай пузырек, — просил толстую молодуху, стоящую за прилавком, мужичок в коричневом пиджаке, серых полосатых брюках, заправленных в высокие резиновые сапоги, и в светлой сетчатой шляпе в дырочку.

— Петр Ильич, талон нужен, вы же знаете, у меня отчетность.

— Будет тебе талон, Зинуля, будет. Завтра нарисую, принесу, ты меня знаешь.

Мужичок начал сгребать кульки в авоську — ее крупные ячейки расчертили серую бумагу свертков на ровные ромбики. Одна из ячеек пропустила сквозь себя горлышко бутылки с портвейном, и она торчала набекрень эдакой торпедой.

— О, красавицы, здравствуйте, — заметил мужичок девчонок. — Опять нам город лучших девушек прислал! Позвольте вас угостить!

Он пристроил авоську на прилавке и начал разворачивать кулек с липкой карамелью — «Дунькиной радостью»:

— Прошу!

Мужичок протягивал им кулек, оттопыривая мизинец. Шурочка взяла желтую обсыпанную сахаром конфетину, раскусила. Вполне съедобно. Карамель мягкая, начинка из темного вкусного повидла.

— А почему у вас продукты по талонам? — спросила она мужичка.

— Продукты? — не понял он. — Не, не продукты, спиртное по талонам. Уборочная же, сухой закон. Спиртное можно взять только по талонам, талоны выдают в поссовете. Заходите, если что, — подмигнул мужичок.

— А вы директор совхоза? — спросила Лена Голованова и цапнула конфетку.

— Не-е, не дай бог, — рассмеялся мужичок. — Я в поссовете, талоны на спиртное выписываю. Две бутылки красненькой, одна — беленькой в месяц! Так что заходите, если что. Договоримся!

Девчонки вышли на крыльцо и огляделись. Широкая деревенская улица по бокам была с дощатыми тротуарами. Между тротуарами — полоса черной жирной грязи. Грязь была не очень жидкая, и кое-где по ней были проложены утопанные тропочки, по которым можно было перебраться на другую сторону улицы. Петр Ильич из поселкового совета переходил улицу без всяких тропок, перемешивая грязь своими резиновыми сапогами.

— Да, — протянула Эльвира, — «Путь Ильича». Теперь понятно, почему здесь народ в сапогах гуляет. Сейчас хоть погода стоит хорошая, но представляю, что здесь творится после дождей. Дирекция, я так понимаю, в доме напротив.

Девчонки перешли через улицу — по тропочке, чтобы кеды в грязи не утопить. На обочине дороги приткнулись три ЗИЛа с открытыми кузовами. Над зданием с табличкой «Совхоз „Путь Ильича“, правление» развевался красный флаг с серпом и молотом. Возле крыльца аккуратно штабелем лежали темные полешки. Слева от правления высилась Доска почета с портретами лучших доярок Шурочке запомнилась одна — молодая миловидная блондинка с тонкими чертами лица и темными большими глазами. Она была похожа на актрису, и имя у нее было соответствующее: Ирина Бригг. Мимо девушек простучала каблучками по деревянному тротуару женщина лет тридцати. Она была наряжена в светлый жакет и складчатую юбку длиной чуть ниже колена.

— Интересно, как они тут по такой грязи на каблуках умудряются ходить? И вообще — выглядеть? — удивилась Шурочка и посмотрела вслед женщине. Прическа — начесанные и уложенные локоны — смотрелась идеально.

— Есть женщины в русских селениях, — продекларировала Леночка, наблюдая, как женщина посторонилась, пропуская компанию из трех парней, вывалившуюся на крыльцо дирекции.

— О, девчонки, привет! Вы студентки из Томска? Как там, в городе? — спросил молодой рыжий парень, одетый в брезентовую куртку-штормовку и в серые рабочие штаны.

— Нормально, — кокетливо повела в его сторону глазом Ира Зинченко, — а вы кто? Трактористы местные?

— Не, — засмеялся тот, — мы из Томска. Нас как бы в армию призвали на переподготовку, вот и шоферим здесь уже месяц, зерно возим. Много девчонок приехало?

— Вот, — повела Ира рукой, — мы все. Нас всего десять человек пока, остальные через недельку подтянутся.

— Местные не обижают?

— Нет пока, — засмеялась Ира, — с чего им нас обижать?

Смотрите, если что — скажите мне, я разберусь. Меня Семен зовут, наша общага вон там, на соседней улице, — Семен махнул куда-то в конец поселка и пошел садиться в ЗИЛ. Его компаньоны уже разошлись по машинам и урчали двигателями.

— Я — Ира, очень приятно, — крикнула ему вслед Зинченко. — Правда, симпатичный парень? Интересно, а местные тоже такие же дружелюбные?

— Му-у-у! — ответили ей. По улице шли коровы. Все рыже-белые, с круглыми боками, рогатые и большие, они нахлынули на девчонок пестрой флегматичной волной, которая текла и по черной грязи дороги и по дощатым мосткам-тротуарам. Коровы меланхолично шли прямо на подружек, в последний момент огибая их и перебирая копытами в опасной близости от их, обутых в кеды ног.

— Мамочки-мамочки-мамочки, — бормотала Леночка, зажмурившись. Она боялась так, что даже побледнела, напрочь утратив свой всегдашний румянец во всю щеку.

Шурочке было не страшно, а, скорее, даже интересно. От коров пахло навозом и парным молоком. Шурочка взглянула вслед уже прошедшему стаду — коровы шли, покачивая тяжелыми бурдюками вымени. Замыкал шествие подросток лет четырнадцати. На плече он нес черный кнут, конец которого волочился по дощатому тротуару.

Солнце уже клонилось к закату, и в его косых лучах коровы красиво уходили в перспективу черной дороги, обрамленной зеленью деревенских палисадников.

Глава 4

— Девчонки, девчонки, вы где? Мы уже тут, да... твою мать, повесили тут... всякой, запутался на х...

Шурочка слушала пьяный мат и первые несколько секунд не могла сообразить, где она. «В деревне», — услужливо подсказала память. Намотавшиеся за день студенты улеглись спать рано, часов в десять. Тем более что развлечений не было никаких. Похоже, к ним гости. Судя по голосам, двое совершенно пьяных мужиков.

Рядом, шурша в темноте, уже вскочила и быстро одевалась Эльвира. Темнота в их закутке стояла почти абсолютная, окна остались на мальчиковой стороне спортзала. Шурочка тоже нашарила свои штаны и принялась их натягивать — встречать пьяных визитеров в футболке и трусах не хотелось совершенно. Гости тем временем выпутались из занавесок и — мат-перемат, так и эдак — наткнулись на первые кровати.

— Девочки, вы где? Пойдемте, подружим. Мы вам Гореловку нашу покажем, — взывал в абсолютной темноте пьяный голос. Казалась, что он принадлежит огромному ужасному косматому мужику. Шурочке стало страшно. Она вспомнила свои сны, которые видела лет с

двенадцати. В снах за ней гнался темный человек. Шурочка бежала в ужасе, так как знала: если поймают, он сделает с ней что-то плохое, стыдное. Человек каждый раз ее ловил, и каждый раз она просыпалась в страхе и с сердцебиением. А теперь сон будто стал явью: черный человек ворочался в черной комнате и искал ее, Шурочку.

— Блин, что делать с этими пьяными уродами? — прошептала Эльвира Шурочке.

— Хоть бы мальчишки наши вмешались, что ли. Или куратор, где он там?

— Эй, мужики, шли бы вы отсюда, — как бы в ответ на ее слова раздался неуверенный, Игорюнин кажется, голосок, — зачем девчонок пугаете?

— Это кто там нас посылает? — мигом среагировал один из пришельцев, — а ну, покажись, проверим, у кого яйца больше! Ничего с вашими девками не делается, им понравится. Прошлый раз городские приезжали, дружили с нами, и ничего. Эй, мать вашу так, где вы там, не видно ни х... выходите, говорю. Васька Перец к вам пришел, гулять зовет, не вы...сь.

Шурочка с Эльвирой вжались в угол возле самых дальних от входа кроватей, потом к ним пробрались на ощупь Ира с Леночкой.

— Так, девчонки, пробираемся по стеночке к краю занавески и аккуратно, без шума выбираемся наружу, — распорядилась Эльвира. — Кто-нибудь видел, где тут у них милиция?

— Какая тут милиция? Участковый если, да и тот спит, наверное, — зашептала Ира.

— О, шепчут чего-то, — обрадовался пьяный Перец, затопал в их направлении, наткнулся на кровать и рухнул в проходе. — Девки, кончай вы...ся, выходи! Колян, помоги подняться!

— Васька, ты где? Щас я тебя нащупаю, — откликнулся Колян сиплым баритоном.

Пока Колька с Васькой занимались друг другом, девчонки аккуратно по стеночке проскользнули за край занавески, выбрались на мальчишечью половину спортзала и рванули к выходу. Шурочка вылетела в «предбанник» и заметила, что скоба от крючка, на которую запиралась дверь, вырвана «с мясом». Во как в гости-то рвались! Следом за ней с топотом неслась Ирка Зинченко.

— Эй, вон они, давай к выходу, — среагировали на топот незваные ухажеры.

Девчонки вылетели за ограду и остановились на дощатом тротуаре. В небе ярко светила луна, и в ее свете им стало смешно, что они испугались каких-то алкашей. Шурочка взглянула на часы — час ночи..

Тем временем из спортзала вывалились две совершенно нестрашные фигуры. Один из алкашей оказался худым высоким мужичонкой со спутанными волосами, второй — коренастым белобрысым недоростком «метр с кепкой».

— И от этих секс-гигантов мы драпали, как зайцы, — фыркнула Ира. — Это их испугались наши мальчишки? Да ткни пальцем — завалятся, Казановы зачуханные!

— Девочки, а вот и мы, — отсалютовал им «метр с кепкой», потерял равновесие и повис на долговязом приятеле. — Пойдемте дружить.

— Слушай, как там тебя... Вася? — начала Эльвира.

— Перец, — то ли кивнул, то ли изобразил поклон коротышка.

— Слушай, Вася, у вас в Гореловке что, так принято по ночам врывать в чужой дом и пугать женщин?

— Чего? — не понял Вася и оглянулся на клуб. — Это не дом, это спортзал.

А мы кто, по-твоему, — спортивные снаряды, что ли? — психанула Эльвира. — Значит, так. Если сейчас не уйдешь, пожалуюсь директору совхоза. Мы сюда приехали вам помогать урожай собирать, а вы тут к нам пьяные вламываетесь, мальчишкам нашим угрожаете, нас пугаете. Хочешь с нами знакомиться — приходи завтра. Трезвый. Тогда и посмотрим, что ты за Перец.

— Не, Колян, ты слышал? Не нравится им, что мы пришли! Да и пошли вы на х... лахудры городские. У нас свои девки — во! И не ломаются. Директору она пожалуется! Да я этого директора... — Колян уводил Ваську дальше по улице, а тот во весь голос рассказывал, что бы он хотел сделать с директором.

— Боже мой, какой ужас, — сказала Шурочка. — Элька, ты молодец, что их послала. Я так испугалась, до сих пор дрожу.

— И я, — пискнула Леночка. — Я думала — все, изнасилуют и никто на помощь не придет.

— Эти?! И не мечтай, — фыркнула Эльвира, и девчонки зашлись звонким хохотом: перенервничали, нужна была разрядка.

Все четыре подруги были совершенно разными, но удивительно точно дополняли друг друга. Решительная и волевая Элька, безалаберная и веселая Шурочка, пухленькая кокетка Ира и смешливая робкая Леночка, попавшие в одну группу волею судеб, а в одну комнату — волею какого-то клерка из деканата, замечательно уживались и ладили друг с другом. Шурочка смотрела на подруг: невысокая смуглая Эльвира хохотала, запрокинув темноволосую голову, толстушка Ира приседала от смеха, хлопая себя по полным ляжкам и трясая светлыми кудряшками, Леночка беззвучно вздрагивала от смеха, и кончик русой косы, перекинутой на грудь, мелко вздрагивал в такт.

— Вы чего тут делаете в такое время? — подошел откуда-то куратор их группы. Этого бесцветного мужичка со смежной кафедры девчонки раньше не встречали. В поездке он держался тихо и незаметно, ничем не афишируя ни свой статус, ни свое присутствие. Во время инцидента девчонки о нем со страху вспомнили. А его, выходит, и не было в зале!

— Э-э-э, Сергей Анатольевич, — начала было Шурочка...

— Анатолий Сергеевич, — поправил тот.

— Да, Анатолий Сергеевич! К нам вломились местные, пьяные совершенно, чуть не побии наших мальчиков, приставали к нам, — выпалила Шурочка.

— Мы так испугались! Мы от них убежали! — пожаловалась Леночка.

— Ну и молодцы, — не понятно кого похвалил куратор: то ли местных, то ли девчонок — Идите, ложитесь спать, завтра вставать в девять. Я поговорю с директором совхоза.

— А если они опять придут?

— Не придут, идите.

Девчонки вернулись, улеглись по кроватям, и Шурочка еще с час ворочалась — и прислушивалась, и боялась.

Глава 5

Всех студентов отправили работать на току, ворошить зерно для зерносушилки. Всех, кроме Шурочки. Шурочка уже второй день кашеварила в деревенской столовке. Все получилось так, как она и предполагала. Назавтра же на кухню потребовалась помощница, так как собственных сил кормить ораву из двадцати шоферов и десяти (пока десяти, через неделю обещают привезти еще двадцать) студентов у местных поварих не хватало. Шурочку определили варить суп и компот и чистить картошку на гарнир. Второе и салат делали другие.

Поварихи работали в две смены, два человека менялись через день. Шурочка ни с кем не менялась. Ей надо было вставать в шесть утра и бежать готовить завтрак, потом чистить бак картошки (а то и два, если на гарнир было пюре), одновременно варить бульон из говяжьих мослов. С трех до шести у нее был перерыв, а потом — еще два часа работы. В воскресенье обещали сделать выходной.

Суп и гарнир в столовой варили в огромных электрокотлах. Котлы стояли на специальных подставках, высотой доходили Шурочке до груди и были похожи на круглые стиральные машинки, даже воду в них наливали так же, из шланга. У Шурочки дома была такая, только у их машинки бока были окрашены белой краской, а котлы сияли хромом. Даже кнопки «пуск» и «стоп» у котлов были почти на том же месте. А там, где у машинки прицеплялись круглые валики, через которые выжимали белье, у котлов торчали какие-то не то манометры, не то градусники. Шурочка не очень разобрала.

Говяжьих мослы для бульона были такими огромными, что не помещались даже в эти машинки-электрокотлы, и поварихи рубили их на большой колоде, предварительно срезав все мясо — оно шло на гуляш.

Гуляш жарили на большой прямоугольной сковородке, и к этому священнодействию Шурочка пока приглядывалась. Поварихи поджаривали тонко нарезанные кусочки говядины, обильно посыпали их мукой, добавляли лук, воду, томатную пасту, лавровый лист и в итоге получали мягкое ароматное мясо в густой коричневой подливке.

В первый день Шурочке выпало работать в смене с грузной пожилой поварихой по имени Анна Михайловна. Повариха была одета в не очень свежий белый халат, из-под колпака выбивались волосы, выкрашенные в медно-рыжий цвет. У Анны Михайловны была какая-то неправильная внешность: крупный нос с горбинкой, густая черная черта на месте бровей, глаза в белесых неподкрашенных ресницах и ярко-алая помада на тонких губах. Повариха хлопотала по кухне, называла Шурочку «деточкой» и «доченькой» и рассказывала про своих детей. У нее их трое, старший сын Мишка — скотник на ферме. У него жена доярка, на Доске почета ее портрет висит.

— Может, видела, деточка? Светленькая такая, молоденькая?

— Видела, — обрадовалась Шурочка, вспомнив красавицу с Доски почета. — Кажется, Ирина... Бригг! — вспомнила Шурочка необычную фамилию.

— Ага, ага, она это. Мы Бригги, из немцев мы, — закивала Анна Михайловна. — Потом еще дочка у меня, Лизавета, в совхозе бухгалтером работает, двух пацанов одна тянет. У ней муж в

тюрьме сидит.

— За что сидит? — Шурочка во все глаза уставилась на повариху. Она впервые разговаривала с человеком, у которого кто-то из родственников сидел в тюрьме.

За пьянку. Хороший мужик, хозяйственный, только пить ему нельзя. Он как напьется — Лизку гонять начинает. Пока просто драться лез, Лизка терпела. А в последний раз с топором за ней бегал по избе. Чуть не зарубил бабу хорошо, во двор успела выбежать. Соседи помогли мужика Лизкиного скрутить, участковый протокол составил, Лизка в суд подала. Два года еще сидеть паразиту. Он ведь пацана младшего, деточка моя, так напугал, что до сих пор заикается. — С каждой поварихиной фразой Шурочкины глаза становились все круглее и круглее. Анна Михайловна рассказывала о пьяном зяте, чуть не убившем ее дочь, таким будничным голосом, что становилось не по себе. Ну, побегал пьяный с топором, дело-то житейское. Не убил, — и слава богу. А повариха уже рассказывала о младшеньком, о Васе. Он из армии только-только пришел.

— Он на танке там служил, все про железки выучил, директор пообещал его на трактор посадить, — рассказывала Анна Михайловна. — Он у меня умный, самостоятельный. Его, деточка моя, девка одна из наших из армии дожидалась, прямо бегала все спрашивала, когда вернется. Замуж хочет! А я говорю: сынок, не спеши. Не нравится она мне, грязнуха. В свиарнике работает. Мой Вася и получше найдет. Вон хотя бы такую, как ты, красавицу.

Шурочка отмахивалась и краснела. Ей было приятно слышать, что она красавица. Шурочке представлялся Вася-тракторист, похожий на артиста Тихонова в фильме «Дело было в Пенькове». Он почему-то энергично играл на гармошке, широко растягивая меха.

— Анна Михайловна, а на гармошке ваш Вася играет?

— Нет, деточка моя, не умеет он. На гармошке у нас в деревне только Семеныч, завклубом, умеет играть.

* * *

Вечером, как ни странно, главной темой опять стал Вася. Девчонки работали с ним днем на току и пожаловались на ночных налетчиков.

— Представляешь, это, оказывается, первые бузотеры на деревне. Свои девки их гоняют, так они решили с нами подружить! — возмущалась Ира Зинченко.

— Кстати, «подружить» они здесь говорят в смысле «крутить любовь», представляешь? Васятка обещал с ними поговорить, чтобы не лезли, — продолжала Ира, с ходу переделав имя парня на свой обычный шуточный манер, а Шурочка мысленно добавила очков красавцу-танкисту.

Девчонки еще посплетничали про бывшего танкиста, комментируя его внешность и повадки. Шурочка не разобрала, одобрительные это были комментарии или язвительные.

— Девочки, а он красивый? — спросила она.

— Ой, краси-и-вый, — протянула Ира томным голосом. — Завтра вечером обещал в гости зайти — увидишь, какой красавец.

Всю ночь Шурочке снился танкист с лицом артиста Тихонова. Он брал Шурочку за руку и вел ее куда-то и катал на танке, который вдруг оказался самолетом. И Шурочка летела в этом

самолете, а потом и без самолета летела, лихо закладывая виражи над макушками деревьев.

Проснулась Шурочка в пять утра, вставать еще было рано. Душа была полна томным предчувствием. Может быть, вот оно — то, что она ждала все это время? Когда Шурочка поступила в институт, она весь первый курс ждала: вот-вот у нее появится парень. Она даже пыталась слегка кокетничать с некоторыми, надеясь на взаимность. Пусть она не самая раскрасивая красавица, думала Шурочка, но она видела пары, где девушки были ничуть не симпатичнее, чем она. Но их же любят! Значит, и ее полюбят. Тем более что она уже не прежняя толстушка-акселератка.

Шурочка выросла очень быстро и уже в двенадцать лет выглядела лет на пятнадцать. В школе на физкультуре она до девятого класса стояла вторая по росту — первой была Людка Воронина, огромная, словно шкаф. Их с Ворониной даже пригласил в секцию тяжелой атлетики забредший на урок физкультуры тренер. Очень у девушек подходящая была комплекция ядро толкать! Людка так и осталась крупной, а Шурочка после восьмого класса внезапно и радикально похудела. В пионерский лагерь ее по возрасту уже не брали, и мама достала путевку на турбазу рядом с городом. Мол, съездишь, отдохнешь с подружками. Но подружки собрались в поход. На девять дней. По перевалам Тянь-Шаня. И Шурочка пошла вместе с ними.

То, что она сделала это понапрасну, Шурочка поняла через первые сорок минут похода. Восемнадцатикилограммовый рюкзак явно прибавлял в весе с каждым километром, скатка брезентовой палатки била под коленки, пот заливал глаза, которые не видели ничего, кроме тропы под ногами. С прямой спиной рюкзак нести было невозможно, приходилось сгибаться в пояснице, чтобы тяжесть равномерно ложилась на спину.

Двое туристов из их группы запросились обратно на базу через первые одиннадцать километров, после первого же привала. А Шурочка осталась. Отчасти потому, что ей стыдно было сдаваться. А в основном — из-за симпатичного помощника инструктора. Парень был старше Шурочки года на два и на первом перевале так замечательно играл на гитаре и так часто поглядывал на Шурочку, что она поняла — это Он. И следующим вечером, на втором привале, он учил Шурочку разводить костер и шутил, и излучал дружелюбие. А утром ушел еще с двумя туристами, которые испугались маршрута. Это была последняя возможность вернуться, но Шурочка опять осталась. Она решила дожидаться Его, решила, что парень догонит их позднее. Нет, не догнал. И она уже безо всякого энтузиазма шагала по холмам, и тащила тяжелейший рюкзак, и тихонько плакала от усталости. Зато на привалах все окупалось сторицей. Скинув рюкзак, Шурочка первые минут шесть порхала бабочкой — каждый шаг был легким, как в невесомости. Порхала и любовалась нереальной, сказочной красотой открывающихся видов зеленых холмов и заснеженных вершин.

В общем, Шурочка честно протопала весь девятидневный маршрут и даже получила значок туриста. По дороге она простыла, искупавшись в горной речке, домой вернулась с температурой и проболела пару недель. В итоге Шурочка похудела килограммов на пятнадцать — маме даже пришлось перешить несколько юбок — и покинула категорию толстушек. Ряды переростков покинула тоже — до ее ста шестидесяти пяти сантиметров к девятому классу доросли почти все девчонки и большая часть мальчишек-одноклассников. Перемены произошли столь стремительно, что Шурочка их просто не осознала. И в голове у нее по-прежнему оставалась сидеть мысль, что она все еще большая и толстая. И некрасивая. И она продолжала потихоньку влюбляться в мальчишек безо всякой надежды на взаимность.

При всей ее влюбчивости к сексу отношение у Шурочки было непростое. О том, что люди занимаются ЭТИМ, она узнала в семь лет и лет до десяти считала, что ЭТО — такая плохая

привычка, как ковырять в носу или есть под одеялом. О том, что дети получаются от ЭТОГО, а не рождаются просто так, потому что в животе созрели, Шурочка догадалась к десяти годам. Догадалась по намекам и диалогам в фильмах и книгах (официально же в стране секса не было! Любая мягкая эротика считалась жесткой порнографией и каралась Уголовным кодексом). Примерно к этому же времени у Шурочки начались месячные, и ей стали сниться эротические сны, где ее кто-то целовал и трогал. Этот «кто-то» целовал и трогал Шурочку строго выше пояса — граница на уровне талии соблюдалась неукоснительно. То, что кто-нибудь сможет снять с нее трусы и сделать ЭТО, в ее голове не укладывалось категорически! И лишь однажды, в десятом классе, когда Шурочка сначала зубрила историю для выпускного экзамена, а потом допоздна читала «Анжелику», ей приснился другой эротический сон. В этом сне ее полностью раздел король Людовик Четырнадцатый, раздел ниже пояса и сделал как-то так, что Шурочка проснулась с оргазмом и поняла: когда ей встретится Единственный Любимый, она позволит ему ВСЕ.

* * *

Шурочка прибежала в столовую в отличном настроении. Ей так хотелось, чтобы Анна Михайловна еще рассказала про Васю! Но вместо Анны Михайловны хозяйничала сменщица Наталья, маленькая, худая сердитая баба в хрустящем от крахмала халате и белой косынке. Впрочем, сердитой она казалась первые пару часов, а потом Шурочка поняла, что Наталья гораздо добрее, чем кажется. Она велела обращаться к ней на «ты» (я старше тебя на десять лет всего, нечего тут мне «выкаты»), научила Шурочку делать заправку к борщу, разрешила помешивать и добавлять в него специи. Разглядев мозоли, которые Шурочка натерла, перечистив накануне бак картошки, уговорила Людмилу, заведующую столовой, поменять в обед гарнир и вместо пюре сварить вермишель.

Людмила, высокая, статная, с узлом русых волос над гибкой шеей, с высокими скулами и легкой раскосинкой глаз (татаро-монгольские гены сказались, не иначе), поначалу подначивала Шурочку. Мол, проверим, городская, на что ты годишься. Но ко второй половине этого дня тоже подобрела и стала разговаривать с Шурочкой по-простому, без подтекстов. В общем, приняли ее поварихи.

В обед к Людмиле пришли муж — тоже симпатичный, высокий, темноволосый — и двое детей-погодков, мальчик и девочка пяти-шести лет. Дети были славные, чистенькие, мальчишка — с материнскими скулами и разрезом глаз, девочка-с отцовскими глазами-вишнями и темными косичками. Одеты все — и Людмила, и муж, и дети — были не так, как другие деревенские, без смешной небрежности, практически по-городскому. Аккуратные курточки и брючки, блестящие яркие сапожки у детей, модная спортивная куртка у мужа, пиджак и юбка со шлицей у Людмилы.

— Наташ, ваша заведующая такая красивая. Совсем не по-деревенски выглядит, — шепнула Шурочка поварихе.

Ага, Людка у нас краля образованная, в техникуме училась, — согласилась Наталья. — Мы же с ней одноклассники, в один класс бегали. Я еще лучше нее задачки по математике решала, одни пятерки были у меня. Только она с парнями не дружила, восемь классов окончила и в район в техникум уехала учиться. А я с Гришкой своим связалась, обрюхатил меня, только и успела свидетельство за восемь классов получить. И замуж сразу, и одного сына родила, и второго — вот и вся учеба!

— Наташ, а сколько лет твоим детям? — поинтересовалась Шурочка, заранее представляя малышню вроде Людмилиных деток.

— Саньке, старшему, — тринадцать, Сереньке, младшему, — десять.

— Ты что, в пятнадцать лет родила?

— Ну да. У нас тут девки бабами рано становятся! Гришка старше меня на десять лет, ему все равно уже жениться было пора, мы и поженились.

— Наташ, а страшно было в первый раз?

— А ты что, не пробовала еще? Я не помню, как было в первый раз. Он мне самогону налил полстакана и того... А потом и без самогона, — Наталья подняла руки и потянулась всем худым телом, — сладко стало.

— Людмила с мужем такая красивая пара, — быстро сменила тему Шурочка. Ей стало неловко от дебрей, куда она залезла из-за своих вопросов.

— Красивая. Главное, он у нее не пьет совсем. Представляешь? Таких на всю деревню человек пять наберется. Зато Людка куролесит за двоих.

— В смысле?

— Любит выпить, а пить ей совсем нельзя — чудит. Вечно что-нибудь такое сотворит, что вся деревня потом потешается.

Глава 6

«Ну, надо же, как у них тут все неправильно. Рожают в пятнадцать лет, пьянствуют, с топорами за женами бегают», — думала потом, вечером уже, Шурочка, возвращаясь в спортзал из столовой. Вся ее девчачья система ценностей и оценок, взлелеянная школой и семьей, трещала по швам. До сих пор она точно знала: женщины, которые, вместо того чтобы учиться, пьют водку и легко отдаются мужчинам, — очень плохие. И очень несчастные. И общество клеймит их позором. Но Наталья ей понравилась, и никто ее не клеймил, и выглядела она вполне счастливой.

Девчонок в спортзале не было. Проскочила «предбанник» — так девчонки прозвали комнатку-прихожую между улицей и собственно спортзалом, и вошла в зал.

На крайней кровати сидел с книжкой Борис.

— Привет, — бросила на ходу Шурочка и спиной почувствовала его взгляд. Она прошагала через мальчишечью половину, зацепив краем глаза Игорюню, который лежал на кровати, смотрел в потолок и улыбался, и до самой перегородки-занавески чувствовала, что Борис смотрит ей в спину. Наверное, костюм ее красный виноват! Шурочка с утра влезла в спортивный костюм — так было удобнее крутиться на кухне.

Шурочка прилегла на кровать, панцирная сетка прогнулась уютным гамаком. Что-то устала она сегодня! Второй день встает в шесть утра, кастрюли ворочает. Девчонки, вон, отужинали — и свободны, гуляют где-то. А ей еще котлы надо мыть. И картошку натаскать, отмыть и приготовить — на завтра опять полный бак чистить. Как поварихи не устают! Та же Наталья весь день с ней крутилась, а ей еще дома мужа и двух сыновей кормить. Интересно, а как это — быть замужней женщиной? Шурочка попыталась представить, как она приходит домой, варит суп — «полевой», с пшенкой, как ее сегодня Наталья учила, — и накрывает на стол. Потом зовет: «К столу!» — и к столу садится красивый, м-м-м, лучше темноволосый мужчина. Она

наливает ему суп, он пробует и говорит: «Очень вкусно! Ты лучше всех готовишь! Ты вообще — самая лучшая!» Мужчина хлебнул суп, поднося ложку к расплывчатому пятну, — его лица Шурочка, как ни старалась, представить не могла. В лучшем случае воображение рисовало папу и его газету, которой он обычно отгораживался во время еды и за которую таскал свои ложки с супом.

Шурочка полежала с полчаса и решила прогуляться. Достала джинсы, хотела сменить на них свои красные тренировочные штаны, но передумала и вышла на улицу.

На бревнышке у спортзала кто-то сидел. В сгущающихся сумерках было видно не очень отчетливо, да и очки Шурочка давно сняла. Очки были «для дали» — телевизор смотреть, автобусные маршруты издалека узнавать, формулы с доски списывать. В деревне они оказались ни к чему. Автобусов здесь нет, телевизор она, судя по всему, не увидит, как минимум, месяц, доску в аудитории — тоже, а на кухне от очков одна морока. То запотеют, то с носа сползут. Ага, Леночка там, разобрала Шурочка знакомое хихиканье, Ира там, Элька. Четвертая фигура была явно мужской — на томные Ирины вопросительные интонации мужчина отзывался уверенным баритоном.

Шурочка подошла поближе, поздоровалась:

— Привет! В компанию примете?

— А, Шурочка, привет! Садись. — Ира подвинулась на бревне, как бы освобождая Шурочке место, хотя места и так хватало. Теперь Ира сидела вплотную к парню. Шурочка бросила на него быстрый взгляд — ничего особенного, носатый какой-то, — и села рядом с Ирой.

— Ну, и что дальше-то было... — теребила парня Леночка.

— Ну, дальше... Дальше, это, троса привязали к машине и тянуть, это, стали. Не идет, собака! А Петька-то, водитель, решил на другую сторону-то перейти и стал через трос, это, перешагивать. Как раз он его между ног, это, пропустил, а машину из ямы-то и вырвало. Трос, это, натянулся, ну, как струна, и Петьке, это, прямо по хозяйству.

— Ужас какой, — прижала Леночка ладошки к разругавшимся щекам. — И что потом?

— Ну, это, в госпитале пролежал два месяца. Вместо хозяйства же, это, синяк. Он говорит, ему доктор написал этот, как его, ди... ди...

— Диагноз? — высунулась из-за Иры с подсказкой Шурочка.

— Точно, диагноз. Мы с парнями ржали, я слова наизусть выучил «Ушиб мошонки, пениса и прилегающих, это, мягких тканей металлическим предметом».

— Он остался калекой? — спросила Шурочка. Ей было очень жалко незнакомого Петьку.

— Не, оклемался. Ему девка его письма писала, сказал, что женится. Слушайте, девчата, а чё вы меня с подружкой-то не знакомите?

Шур, знакомься, это Вася, наш защитник. Он велел деревенским к нам не приставать, — протараторила Ира и спросила: — Вася, а почему ваши мужики так себя ведут?

— Как?

— Ну, пьяные ходят, матерятся всегда, к нам в первую ночь вломились.

— Да они, это, не со зла. Здесь прошлый год-то девчачий отряд из Томска на току работал. Учительши, чё ли, с педагогического. Меня-то не было, но мужики хвалились, что девки, это, дружили с ними хорошо. Они думали, это, и вы дружить захотите, — рассказывал Вася, а Шурочка старалась смириться с мыслью, что он ничуть не похож на актера Тихонова. Похож Вася был на маму, Анну Михайловну. Те же круглые глаза, тот же крупный нос. Серые волосы. Наверное, такие же у Анны Михайловны были до того, как она их выкрасила в рыжину. Рот Шурочка разглядеть не успела, а из-за Ириного пухлого плеча выглядывать было неудобно.

— Слушайте, девчата, а пойдёте по Гореловке гулять! Я вам деревню покажу! — воодушевился вдруг Вася, соскочил с бревна и встал перед девчонками, сунув руки в карманы и оглядывая всех четверых по очереди, задерживая на каждой, Шурочке показалось, оценивающий взгляд. Губы у него тоже оказались тонкими.

— Пойдем? — теперь он смотрел прямо на Шурочку, и она почувствовала, как запылали щеки: «Он меня выбрал. Меня!»

— Пойдем, — легко поднялась она с бревна и обернулась к подругам: — Девчонки, пойдёте!

— Ой, нет, Шур, вы уж вдвоем идите, — поджала губы Ира, — устали мы что-то, мы тут посидим.

— Ага, — прыснула Леночка, — нам Вася и так целый день анекдоты рассказывал. И истории всякие. Про армию. Пусть теперь тебе расскажет, в свежие уши.

— Ты там поаккуратнее, Василий, — сказала свое напутственное слово и Эльвира, — не вздумай нашу Шурочку обижать.

— Да я чё, не понимаю, чё ли, — откликнулся Вася и, сложив руку кренделем, подставил Шурочке оттопыренный локоть: — Прошу, — и повел ее в обход пруда в ночь. В пруду отражалась растущая луна и крупные острые звезды.

Глава 7

«Дорогая мамочка! Порадуйся за меня, я счастлива. У меня есть любимый человек. Он очень хороший, его зовут Вася. Он тракторист, он совсем не пьет. Мамочка, мне уже восемнадцать лет, и я решила, что выйду за Васю замуж. В городе он жить не сможет, да и негде там. А здесь нам дадут большой хороший дом. Я пока живу у его сестры Лизаветы. Она очень хорошая. И мама у него хорошая, добрая такая. Ты не волнуйся, я понимаю, что институт нельзя бросать, я и не брошу. Я переведусь на заочный. Вася сказал, что он будет отпускать меня на сессии. А я здесь работать буду. Может, поварихой в столовой — у меня уже хорошо получается. Или на ферме. А что, коров доить научусь! Ты не волнуйся за меня, мамочка. Я уже взрослая. И у меня все будет хорошо».

Шурочка поставила точку, еще раз перечитала письмо. И пока писала, и сейчас, когда перечитывала, она не могла избавиться от ощущения, что на самом деле она не так счастлива, как убеждает в этом маму. Чувствовала она себя странно, будто у нее в голове сидело две Шурочки. Одна собиралась замуж за Васю, писала письмо маме и планировала остаться жить в деревне. Другая все время пихалась острым локотком и нашептывала: «Может, не надо?»

«Ну, как же не надо? — заспорила первая Шурочка со второй. У нас ведь случилось ЭТО. И он теперь хочет на мне жениться. И я его люблю... обязательно...»

Шурочка вложила письмо в конверт, заклеила, написала адрес и застыла, глядя на такое знакомое, с детства родное название ташкентской улочки. Она представила мамино лицо, но оно вдруг сменилось другим женским лицом, носатым, с круглыми светло-серыми глазами в белесых ресницах, с жирными черными линиями на месте бровей, с яркой помадой на тонких губах и ярко-рыжими прядями на лбу. Потом в памяти всплыло мужское лицо, тоже со светло-серыми, глубоко посаженными глазами в обрамлении белесых ресниц и тонкими губами под крупным с горбинкой носом. Вася был очень похож на свою маму, просто одно лицо.

Шурочка вдруг почувствовала волну щемящей тоски и сожаления, что все произошло так быстро и... не совсем правильно, что ли. Когда Вася увел ее от девочек, Шурочка рассчитывала совсем на другое. Деревня, луна, звезды, тракторист — все это было так красиво, так романтично. Почти как в книжках! Дальше, по сюжету он должен был встречать с ней рассвет на берегу реки (правда, реки нет поблизости. Ну пусть тогда в поле встречается!) и влюбиться в нее красивой любовью. Такой, какую она предвкушала, и ждала, и звала уже целый год!

Вася провел Шурочку вдоль берега пруда и вывел к трем березам, что росли очень близко друг к другу и образовывали что-то вроде беседки. Под березами виднелось нечто вроде скамейки: нетолстое бревнышко, плашмя пристроенное на два кругляша. Шурочка уселась на бревнышко, Вася примостился рядом и обнял ее за плечи. Шурочка не возражала. Впервые в жизни ее обнимал мужчина.

— Как же тут красиво! — Шурочка откинулась на Васино плечо и запрокинула голову, как бы пытаясь разглядеть звезды сквозь шуршащую над головой листву.

— Ага, ничё так, — отозвался Вася, взял Шурочку за плечи, развернул к себе, близко-близко придвинул к ней свое лицо.

«Сейчас поцелует, — подумала Шурочка. — Интересно, а куда он денет свой нос?»

Вася нос куда-то дел и впился в Шурочкины губы так, что она почувствовала привкус собственной крови. Потом, оторвавшись от ее рта — Шурочка почувствовала, как распухают губы, — Вася принялся целовать ее шею, одной рукой сдвигая высокий ворот свитера, а второй забираясь под свитер снизу и путаясь в крае футболки.

— А ничё так сиськи у тебя, крепкие. Маленькие только, — прокомментировал он, добравшись-таки до Шурочкиной груди и пошарив по ней ладонью. Ладонь была жесткой и шершавой. Шурочке не очень понравилось, и она попыталась отодвинуться от парня.

— Ты чё, обиделась? — заглянул он ей в лицо.

Неловко как-то, вдруг увидят, — отговорила Шурочка, и словно в подтверждение ее слов кто-то невидимый в ночи заорал нетрезвым голосом частушку. Орала женщина, явно неблизко, но звуки в ночном воздухе долетали до них почти отчетливо:

«Тракториста полюбила, один раз ему дала, две недели сиськи мыла и соляркою...» — Дальше Шурочка не разобрала.

— Ладно, — согласился Вася и вытащил руку из-под Шурочкиного свитера. — Пошли тогда, это, ко мне в гости. Посмотришь, как я живу-то. Да ты не бойся, не обижу. И мать дома, это, чаю попьем.

Анна Михайловна встретила Шурочку радушно:

— Здравствуй, деточка. Задружила с моим Васей? Вот и хорошо! Чай пить будете?

— Будем, мать, ты, это, собирай пока на стол, — откликнулся Вася и повел Шурочку показывать избу. Дом был сделан из черных круглых бревен и снаружи смотрелся хмуро и неприветливо, а изнутри стены были совсем обычными — ровными, оклеенными светлыми бумажными обоями. В Васиной комнате — в бледно-зеленую загогулину. Шурочка присела на кровать с панцирной сеткой, огляделась. Шкаф, письменный стол, тумбочка — вот и вся обстановка. Шурочка еще раз обвела комнатку глазами: чего-то не хватает. А, книжных полок нет. Хотя книжка, вон, есть. На тумбочке, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

— Кто читает? — кивнула Шурочка в сторону книги.

— Я, — ответил Вася. — В армии парень один, это, так пересказывал интересно про мужика этого. Я, это, сам захотел почитать. Чё-то трудно идет, вон, и до середины, это, дойти не могу. Вторую неделю, это, разбираю.

«Может, тоже перечитать, — подумала Шурочка. — А то забыла уже, про что там. В шестом классе проглотила запоем. Попрошу у него потом».

— Хочешь, дембельский альбом покажу? — не дожидаясь ответа, Вася достал из тумбочки увесистый фолиант в бархатной вишневой обложке и гордо водрузил его на стол. — Вот! Я за него Лехе-художнику пятьдесят рублей отвалил!

«Больше, чем моя стипендия!» — Шурочка раскрыла обложку, показался лист полупрозрачной кальки. На нем разноцветными шариковыми ручками была нарисована композиция из танков, штыков, звезд и лавровых листьев, которые красиво обрамляли надпись: «Дембель 1984». Шурочка перелистнула страницу. Под ней красовался Вася в кителе и фуражке и скалил в улыбке крупные зубы. На плечах у него были какие-то дивные погоны, от которых красиво свисали шнурки, зацепленные за пуговицу где-то на середине груди.

— Ой, а что это за эполеты с аксельбантами? — спросила Шурочка.

— Чё? — не понял Вася.

— Ну, вот такие погоны и шнурки, — объяснила Шурочка. — Разве в армии так носят?

— Не, это мы с мужиками, это, специально к дембелю-то делали.

Шурочка полистала дальше. «В казарме», «Строевая подготовка», «Солдат спит, служба идет» — каждый раздел фотографий предварялся полупрозрачной страничкой из кальки, разрисованной цветными штрихами, которые складывались в затейливые виньетки и картинки. Эти картинки Шурочке нравились гораздо больше, чем однотипные фотографии: Вася в майке, штанах и сапогах сидит на кровати, Вася в майке, штанах и сапогах лежит на кровати. Вася в гимнастерке, штанах и сапогах стоит по стойке «смирно». Вася в комбинезоне и танкистском шлеме обнимает за плечи двоих таких же чумазых солдатиков.

— Во, во, вот он, Петька-то, — потыкал Вася пальцем в солдатика справа, — тот, которому хозяйство отшибло!

— Это что, самое твое большое впечатление от армии? — спросила Шурочка.

Деточки, идите чай пить! — позвала Анна Михайловна. Шурочка вышла из Васиной комнатки и мимоходом заглянула в дверь комнаты по соседству. Судя по всему, это была спальня хозяйки.

В комнате царствовала двуспальная кровать с железными спинками. Она была накрыта большим розовым покрывалом с бледным рисунком, сделанным из светлых нитей. Мама называла такие покрывала «гобеленовые». В изголовье кровати красовалась пирамида из четырех подушек, накрытая сверху накидкой из тюля. На покрывале ромбом застыла салфетка, вышитая по краю красными нитками. Из-под покрывала почти до пола тянулась кайма из белой материи, тоже расшитая по краю красными нитками. Шурочка еще успела заметить коричневый полированный трехстворчатый шкаф и зеленые занавески в красных розах.

На кухне Анна Михайловна усадила их за круглый стол, накрытый клеенкой, — тоже в крупных розах. На этот раз — в желтых. Клеенка слегка скользила под пальцами, как будто была в каком-то сальном налете. Посреди стола в тарелке стопкой возвышались жаренные в масле лепешки. Рядом в блюде нежно желтели то ли густые сливки, то ли мягкое сливочное масло. Стояли вазочки с желтым и темным, похожим на вишневое, вареньем.

— Кушай, деточка, — Анна Михайловна придвинула Шурочке чашку с чаем, — лепешечки бери, я только что сжарила. Варенье попробуй... — Она не садилась за стол, а стояла сбоку от Шурочки, нависая над столом круглым животом и мощным бюстом.

Шурочка зачерпнула «вишневое» варенье — в ложку попали круглые темные ягоды, — попробовала. Интересный терпкий вяжущий вкус, сами ягоды твердые, без косточки.

— Что это? — спросила она.

— Это черноплодка, а вот здесь, — придвинула поближе вазочку с желтым вареньем Анна Михайловна, — облепиха.

Облепиху Шурочка знала, и ягода эта ей не очень нравилась. Кислая и пахнет лекарствами. А вот черноплодка — это нечто! Шурочка зачерпнула еще ложку варенья и отхлебнула из чашки чаю. А потом, привычка такая, заглянула в чашку. На ее внутренних стенках красовался ободок каких-то желтоватых остатков, будто сливки осели. Видно, Анна Михайловна не очень тщательно помыла ее. Так, сполоснула.

Шурочка почувствовала, как варенье из черноплодки вместе с проглоченным чаем просится обратно. Она сделала несколько глубоких вдохов. Помогло.

— Ты лепешки, лепешки поешь, деточка, — Анна Михайловна плюхнула на блюде лепешку из стопки и поставила её перед носом у Шурочки. Темно-коричневый жареный бок лепешки блестел от жира. — Вон, маслицем намажь. Свое, домашнее, в городе-то такого нету.

— Спасибо, я не хочу, — поспешно сказала Шурочка, отодвигая от себя и чашку с чаем. — Я не ем на ночь, от этого толстеют.

— Ой, деточка, да ты ж такая худенькая, чего бояться-то. — Анна Михайловна взяла лепешку из стопки, намазала ее маслом из блюда, откусила. Шурочка заметила, как кусочек лепешки отломился и улегся на ее пышной груди, оставив масляное пятно на халате. Впрочем, хуже от этого не стало. Таких пятен на халате Анны Михайловны — фланелевом, когда-то, по-видимому, синем, а теперь почти выцветшем — было предостаточно: и на груди, и на круглом животе, и возле карманов.

— Какая же вы все-таки с Васенькой пара красивая, — продолжала, прожевав, Анна Михайловна. — Ты, деточка моя, Васеньки-то держись, он у меня хороший. Самостоятельный. Пьет в меру. Хозяйственный.

— Ты мать, это, кончай меня хвалить-то. Как на базаре меня продаешь, — откликнулся Вася, утер масляные губы и поднялся из-за стола: — Шурка, пошли еще погуляем.

— Пошли. — Шурочка с радостью выбралась из-за стола. На улице куда лучше, чем в этом не очень опрятном доме!

Вася вывел ее из избы в темные сени и вместо того, чтобы открыть двери на улицу, открыл боковую дверку и завел Шурочку в какую-то комнатку. Тьма в ней была абсолютная, не разглядеть собственной руки.

— Не бойсь, это моя сарайка, я в ней ночую, пока тепло. Чтобы мать, это, не будить, если поздно возвращаюсь-то, — прошептал в темноте Вася и потянул Шурочку за руку: — Пойдем!

Шурочка сделала два шага и наткнулась на лежак. Вася уже усаживал ее рядом с собой, и опять всосал Шурочкины губы, неудобно запрокинув ее голову, и уронил Шурочку на невидимую в темноте постель, и начал стаскивать с нее свитер и футболку.

Шурочка не возражала. Она изучала новые для себя ощущения мужских губ и рук на ее лице, шее, груди, животе. И только когда Вася перешел пограничную линию и начал стягивать с нее штаны, Шурочка опомнилась и запротестовала.

— Не надо!

— Чё не надо-то? Не бойсь, я осторожно, — откликнулся Вася глухим голосом, Стянул с Шурочки красные штаны от костюма, навалился на нее тяжелым телом — Шурочка почувствовала его голый горячий живот — и стал тыкаться ей в промежность.

— Ты, это, помогай мне-то, а то я попасть не могу, — от Васиного шепота пыхнуло жаром.

— Вася, я не знаю как, у меня ЭТОГО еще не было, я боюсь! Не надо!

— Да не бойсь! — Вася, похоже, ее не слышал. Он изловчился, слегка приподнял бедра лежавшей навзничь Шурочки и тычком внедрил-таки туда, куда целился.

Шурочка заорала в голос — было ОЧЕНЬ БОЛЬНО.

— Тихо ты, — Вася замер и зажал Шурочке рот, — мать услышит, соседей перебудишь. Ты чё, в первый раз, что ли?

— Я же тебе говорю, что в первый, — слезы лились по Шурочкиным щекам и скапливались на подушке двумя мокрыми пятнами, — а ты меня не слы-ы-ышишь!

— А чё тогда дала-то?

— Я не давала! Я думала, мы только целоваться будем, а ты-ы-ы...

— Вот дура-то, — беззлобно прокомментировал Вася. — Я чё, не мужик, что ли? Пришла, легла — и не давала! Ладно, не реви. Женюсь я на тебе. Давай еще попробуем-то, раз начали.

И Вася опять завозился между ее бедрами и буровил ее внутренности своим невидимым во тьме инструментом. А Шурочка терпела, стиснув зубы и стараясь не орать, чтобы не разбудить Анну Михайловну. И думала, что надо было подстелить какую-нибудь тряпочку. Кровь ведь будет, запачкает все!

Потом он нашарил для нее какую-то тряпку, и Шурочка стерла с себя какую-то липкость. А потом она попросила:

— Проводи меня к нашим!

— Да ладно тебе, оставайся до утра, — откликнулся Вася ленивым, сонным голосом. — Утром с матерью-то и пойдешь кашеварить.

— Вась, мне неловко, она поймет, что мы с тобой, ну, это...

— Да чё неловко-то? Сказал же, женюсь. Завтра и матери скажу. Спи! — Вася пошарил в темноте, накрыл их двоих огромным овчинным тулупом, притянул Шурочку к себе так, что она почти уткнулась Васе в подмышку, и очень скоро задышал ровно и размеренно. Уснул.

А Шурочка так и не заснула. «И это — ОНО? — думала она. — То самое, о чем шептались девчонки? О чем читала в „Анжелике“? Как противно-то... И больно... Неужели женщины вот так всю жизнь терпят? Или проходит со временем? Может, ей со временем понравится?»

Все произошло так быстро и неожиданно, что Шурочке казалось — это не с ней. Она — где-то сверху, откуда наблюдает за перепутанной растерянной девчонкой. Девчонке мешала ноющая тяжесть внизу живота, густой запах овчины, который смешивался с ощутимым запахом Васиного пота, мешала его рука, которая по-хозяйски расположилась на Шурочкиной груди. Шурочка осторожно выбралась из-под Васиной руки. Парень всхрапнул и повернулся на бок. Шурочка в темноте нашарила свои одежки. Трусики, штаны, футболка, свитер, все здесь. Оделась, обулась в кеды, путаясь в потемках в шнуровке.

— Ты куда? — ее возня его все-таки разбудила.

— Я в туалет, ты спи!

Шурочка вышла в сени. В окошко падал лунный свет, поэтому выход она нашла быстро. Дверь открывалась в огород. Ряды грядок начинались почти у крыльца и дальним своим концом упирались в будочку сортира. Они серебрились под лунным светом.

Шурочка огляделась — ущербная луна светит ярко, все видно. Пойдет-ка она в клуб и без провожатого доберется. И Шурочка почти бегом помчалась через всю деревню к клубу, в свою привычную жизнь.

* * *

На следующий день после той ночи Анна Михайловна смотрела на Шурочку ласково и даже присела помочь почистить картошку, между делом заведя разговор про своего Васеньку. Каким он был маленьким, как болел свинкой, как застрял в дыре в штaketнике, как обронил в дырку в уборной отцовский башмак. Рассказывала, что любит кушать Васенька — лук не любит, поэтому она в борщ ему лук не жаривает. А пельмени любит, она зимой для него по полмешка пельменей намораживает.

— Ты пельмени-то умеешь лепить, доченька?

— Умею, Анна Михайловна.

У Шурочки вдруг зазвенело в ушах и поплыли темные круги перед глазами. Она откинулась к стене, переживая головокружение.

— Что с тобой, доченька? Ты прям побледнела вся? Болееешь, что ли?

Чернота схлынула, Шурочка открыла глаза и встретилась взглядом со светло-серыми глазками Анны Михайловны. Васина мама смотрела на нее с тревогой и досадой. Так смотрят на румяное яблоко с червоточиной.

— Все, уже прошло, это я не выпалась.

— А, ну да, ну да. Дело молодое, ночи короткие, — закивала Анна Михайловна. — С Васенькой, наверное, до утра продружили?

Слово «продружили» так не вязалось с тем, чем они занимались ночью с Васенькой, что Шурочка не нашлась, что ответить, неопределенно повела плечами и сосредоточенно занялась очередной картофелиной.

— Шур, я вот чё думаю, — продолжала между тем повариха, — поселяйся-ка ты в доме у Лизки моей. Чё тебе в клубе-то жить, как в казарме какой.

— Ой, неудобно, наверное, — откликнулась Шурочка, представляя избу вроде дома Анны Михайловны.

— Да удобно! Живет она без мужика, места много. Ей совхоз полкоттеджа дал, три комнаты и кухня. Она-то у меня по-городскому живет. Давай, я скажу Ваське, чтобы тебя в гости сводил, познакомил!

— Ладно, — согласилась Шурочка — познакомлюсь. — И отправилась варить суп.

В меню на сегодня значился «полевой». Шурочке понравился его простой рецепт: картофель, пшенка, заправка из лука и моркови. Просто, быстро, минимум мороки, не то что с борщом. И вкусно!

Суп почти сварился, густой, красивый. Шурочка вытряхнула в котел мелко порезанный укропчик из миски. Чудно все-таки готовить такими порциями. Картошки на этот суп ушло полведра, пшенки — килограмма два, не меньше. Она никак с пропорциями угадать не может. В этот раз почти угадала — суп хоть и густоват, но это суп, а не «шавля», как обозвала как-то мама слишком густое, напоминающее кашу варево, первый в Шурочкиной жизни самостоятельный рисовый суп. Шурочка на минутку застыла над котлом, вспоминая, как она варила этот суп-шавлю с рыбными консервами и каким он был вкусным. «О, дочь, хорошо придумала, — сказал тогда папа, — сразу первое и второе в одной тарелке. Мать, перенимай».

— Шур, ты чё там в котел-то заглядываешь, — вытащил ее из воспоминаний голос Анны Михайловны, — случилось чего?

— Все нормально, суп уже сварился, осталось посолить, — откликнулась Шурочка.

Оказалось, что соль почти кончилась, в бумажном мешке перекатывалось только два увесистых комка. Идти разыскивать Люду-заведующую, просить ключи от кладовки и ворочать новый мешок с солью? На это у Шурочки явно не было сил. Так, если поварешками сыпать, достаточно две поварешки на котел. «Интересно, — взвесила Шурочка в руках глыбу поменьше, — это больше, чем две поварешки?»

— Анна Михайловна, — позвала она, — как вы думаете, столько соли не много будет?

— Кидай, кидай, дочка, — отмахнулась повариха, не отвлекаясь от своего гуляша.

Шурочка с сомнением поглядела на соляной комок. Нет, отковыряет-ка она половинку. Если что, досолит.

Половинка глыбы булькнула в супе и пустила веселые мелкие пузырьки. Шурочка размешала варево поварешкой и попробовала. Мамочки, пересолила! То, что она попробовала, больше всего напоминало горячий рассол.

— Анна Михайловна, что делать! Я суп пересолила. И сильно!

— Ох, деточка, ты сегодня совсем чудная, — охнула повариха, отведав Шурочкиного варева, — соль голимая!

— Что делать? Выливать, да? Новый варить?

— Людка тебе выльет, с зарплаты твоей вычтет. Мы вот что сделаем. — Анна Михайловна сняла с плиты ведро с кипятком и долила в котел с супом. Затем кинула туда кусок сливочного масла и вытряхнула полпачки лаврового листа. Потом попробовала и кивнула: — Сожрут!

Шурочка осторожно сняла пробу — суп оставался соленым. И невкусным. Но глотать, не выплевывая, это варево уже можно.

В обед она разливала за стойкой этот суп по тарелкам, подавала его шоферам и все ждала, что те начнут возмущаться. Но те ничего, ели, только хлеба брали больше обычного. «Хорошо, хоть наших в столовой нет», — думала Шурочка, рассматривая стопку чистых тарелок. На ток и в поля обед привозили на место.

— Эй, девка, кто тут у вас влюбился!

Шурочка подняла глаза — по другую сторону стойки стоял чернявый шофер с тяжелым взглядом. Он хмуро оглядел Шурочкин клеенчатый фартук, в котором она разливала суп, задержался взглядом где-то в районе груди, а потом взглянул ей прямо в лицо:

— Слушай, краля, в первый и последний раз я ем такую бурду. В следующий раз надену тебе на голову!

— Ты чего девку-то пугаешь! — выскочила из-за Шурочкиной спины Анна Михайловна. — Суп ему не понравился! Бабе своей будешь указывать! Не нравится — не жри! Ишь, на голову он наденет! Себе надень, может, ума прибавится!

«Боже мой, как стыдно!» — Шурочка опустила голову и постаралась сдержать слезы. Мужик уже давно выматерился и ушел, а Шурочка все стояла в оцепенении.

— Девушка, супчику налейте. — Голос был молодым и веселым. Шурочка подняла глаза. У стойки стояли трое парней. Двоих из них, высокого кудрявого красавца и низенького горбоносого узбека, она знала — примелькались на общих лекциях, когда в большой аудитории собиралось по шесть групп. Третьего видела впервые. Неужели остальные студенты уже приехали?

— Мальчики, суп не очень вкусный. Может, вы только второе возьмете?

Да ладно, нам после студенческой столовки все вкусно. Наливайте! — продолжал незнакомый

парень. Он с интересом разглядывал Шурочку и улыбался. Шурочка принялась разливать суп, украдкой поглядывая парня. Смешной! И симпатичный. На Джона Леннона похож. Усики такие забавные, как пушок над губой. Наверное, не брился ни разу.

Парень был одет в брезентовую куртку и брюки, заправленные в кирзовые сапоги. Куртка перетянута широким солдатским ремнем, что делало парня похожим на солдата. Правда, прическа у него была явно не солдатская — пряди темных волос отросли до самых плеч. Двое его приятелей тоже были одеты в куртки и штаны защитного цвета — стройотрядовский комплект.

— Солдатики, чё ли, привезли? — поинтересовалась Анна Михайловна, которая подошла к стойке, чтобы подать парням гуляш с гарниром.

— Нет, Анна Михайловна, это остальных наших студентов привезли.

— Как, привезли! А чё Людка-то не предупредила! У нас же закладка на сорок человек, все по счету! Сколько привезли-то?

— Не знаю, сейчас спрошу. Ребята! — крикнула Шурочка студентам. — Большая группа-то приехала?

— Пятнадцать человек! Мы — самые голодные! — откликнулся темноволосый парень, и Шурочке стало приятно, что откликнулся именно он. Как бы в подтверждение его слов в столовую вошли еще пять студентов и выстроились у стойки веселой очередью.

— Так, — прикинула быстро в уме Анна Михайловна, — гуляша покладу поменьше, а в суп еще воды плескану, пусть пожиже будет. И еще яишню сейчас сделаю, я как раз принесла яичек-то на продажу. Ее будем с салатом подавать, гуляша на всех не хватит. Ничё, покормим. Ну, прибавилось нам работы-то!

* * *

— Шурка, ты скоро? — Вася пришел к закрытию столовой и теперь ждал, пока Шурочка все приберет и приготовит к завтрашнему дню. Анна Михайловна уже час как ушла, мол, корову надо встретить и подоить, ты уж тут сама, доченька. И даже ключи ей отдала от входных дверей. Ушла повариха с полными сумками — совершенно не таясь от Шурочки, сложила в них вилок капусты и увесистый шмат говядины. От гуляша отщипнула, не иначе.

Сейчас, сейчас, почти уже! — Шурочка наскоро замела листы капусты, валявшиеся вокруг котлов. Ох, и досталось им вечером жару! Никогда бы не подумала, что так хлопотно стоговить на дополнительных пятнадцать ртов! На ужин Людмила распорядилась приготовить овощное рагу и даже сама помогала им — лук почистила. А Шурочка перечистила восемь огромных вилок капусты, тазик моркови и полведра картошки! Никакого перерыва днем, естественно, не получилось! А она думала, что сможет поспать часок! Шурочка аж раззевалась от этих мыслей.

— Ну, пошли, чё ли? — Парень явно маялся ожиданием, и Шурочка решила закругляться. Утром прибежит чуть пораньше — и все успеет!

— Все, я готова, куда идем?

— Ну к нам идем. Мать корову подоила, велела тебя приводить на парное молоко.

— Ой, Вася, а может, к сестре твоей в гости сходим? — Шурочке молока не хотелось абсолютно — вспомнился вчерашний чай из грязной чашки.

— К Лизке, чё ли? Ну, пошли, — согласился Вася.

Жилье Васиной сестры оказалось очень даже ничего. Не изба из черных бревен, как у Анны Михайловны, а аккуратный светлый коттедж. Стены в бежевой штукатурке, крыша покрыта крашеной жстью. Такие коттеджи, восемь домиков, образовали почти целую улицу. Стояли они гораздо ближе к клубу, чем изба Анны Михайловны, но Шурочка еще в эту сторону не ходила. Каждый домик на два крылечка, двор посередке разделен штакетником: сразу видно, что коттеджи на два хозяина.

— Это директор совхоза для молодых специалистов-то отстроил, — объяснил Вася. — Лизке дал как бухгалтеру. В соседках у нее Валька-скотница. В том вон доме агроном живет, там, это, — зоотехник. А во-о-он те дома еще строят, — кивнул Вася в конец коттеджной шеренги. — Хочешь посмотреть-то?

— Хочу.

Они дошли до строящихся домиков, и Шурочка заглянула в дверь. Прямо от порога начиналась комнатка. Вместо пола в комнатке почти по периметру была вырыта глубокая, выше Шурочкиного роста, яма.

— Ой, а зачем это?

— Подпол будет. Потом, это, полы сделают сверху, — снисходительно объяснил Вася.

На другом конце ямы сквозь дверные проемы Шурочка заметила еще две комнаты. Там полы уже были настелены — желтые ровные доски. Наверное, от них в домике стоял запах сосновой смолы.

— Хочешь в таком жить? — спросил Вася. И, не дожидаясь ответа, добавил: — Мне директор, это, пообещал, как женюсь-то, жилье дать.

Шурочка попыталась представить, как она хозяйничает в чистом светлом домике.

— Тут место есть и сарайку поставить. Кабанчика заведем, курей, это, кроликов, все как у людей, — продолжал Вася.

Теперь Шурочка представила чистенького розового поросеночка, белоснежных курочек, сереньких пушистых кроликов с розовыми подвижными носами. Шурочка представила, как выходит во двор, щедро разбрасывает зерно, кричит: «Цып-цып-цып», — и вся эта живность сбегается к ее ногам и благодарно хрюкает, квохчет и — какие звуки издают кролики? — сопит.

Подошли к дому Лизаветы. У забора стояла лавочка, окруженная бурно разросшимися полыхающими на солнце оранжевыми цветами. За забором Шурочка успела заметить и оценить чистый дворик с дощатой тропинкой от калитки к двери. Вторая тропинка вела в глубь огорода, к аккуратной будочке сортира. Возле сараюшки, сколоченной из потемневших досок, были врыты два столбика, между ними — веревочные качели. На качелях раскачивался мальчик лет восьми. Второй, явно постарше, раскачивал брата, помогая ему взлетать все выше и выше.

— Ванька, ты, это, уронишь Степку-то, — прокричал от калитки Василий, заходя во двор. — Мамка дома?

— Дома! — Ванька бросил свое занятие и побежал в дом. — Мам, дядя Вася пришел! С тетей!

Лизаветой оказалась та самая модно одетая женщина, которую Шурочка встретила возле правления в день приезда. Она тоже внешне была очень похожа на мать — выдающимся носом и тонкогубым ртом Анна Михайловна, видимо, наградила все свое потомство. Но на этом сходство кончалось: подтянутая стройная фигура, аккуратный домашний ситцевый халат веселой расцветки. Брови выщипаны в тонкую линию, ресницы подкрашены в самый раз, губы откорректированы розовым перламутром. Лизавета ничем не походила на деревенскую жительницу и даже перещегооляла завстоловой Людмилу.

— Здравствуйте, вы Шурочка? — Лизавета окинула Шурочку приветливым взглядом и посмотрела ей в лицо. Глядела она доброжелательно и с явной симпатией.

— Мне мама рассказывала, что к ним в столовую студентку в поварахи определили. Но не говорила, что такую хорошенькую. Ишь, Васька, заприметил девушку, — шутливо погрозила она в сторону брата, — не вздумай ей голову морочить.

— А я чё, я ничё, я и жениться могу, — забормотал в ответ Вася, а Шурочка почувствовала, как ее щеки обдало жаром. Было приятно, что Лизавета назвала ее хорошенькой, и неловко, что та, кажется, догадалась, что у нее с Васей... отношения.

— Ребятки, давайте я вас покормлю! У меня картошка сварена, и кролик есть тушеный, и огурчики. Давайте!

Шурочка вдруг поняла, что жутко голодна. С этим авралом в столовой она совсем забыла поесть! И потом не вспомнила — Вася пришел. Она стянула с себя свитер — тепло в доме: Лизавета, вон, в легком халатике ходит — и села к столу.

Картошка лежала на блюде — рассыпчатая, посыпанная мелким укропчиком. Шурочка в который раз подивилась, какая здесь, в Сибири, картошка. Дома, в Ташкенте, вареная картошка совсем другая — твердая, скользкая, как обмылок. Поэтому дома просто так картошку они не варили — жарили, тушили, это да. Да и вообще редко готовили картофель — мама предпочитала готовить баклажаны, перец, зеленую фасоль, патиссоны. Слишком богатыми были их дачные грядки, чтобы ограничиваться картофелем. А вот за год жизни в Томске Шурочка съела картошки, наверное, больше, чем за десять лет в Ташкенте.

Они с девчонками ее и жарили, и просто варили, сбрызгивали местным подсолнечным маслом — оно так вкусно пахло семечками, — и съедали с удовольствием. Самое интересное, что Шурочка совсем не растолстела от такой еды. Хотя девчонок от картофельно-булочной диеты слегка разнесло. Наверное, сказались ее занятия бальными танцами. Шурочка записалась в студенческий клуб чуть ли не в первый месяц учебы и три раза в неделю по два часа отплясывала вальсы, румбу и ча-ча-ча. Ноги после занятий гудели колоколом, Шурочка лежала по полчаса, задрав их на спинку кровати, чтобы кровь отливала. А все булочки и картошка выходили с потом, который к концу двухчасового танц-марафона так пропитывал футболку, что хоть отжимай.

«Интересно, а тут в клубе есть бальные танцы? Наверное, нет», — с грустью подумала Шурочка и, чтобы отвлечься от мыслей о том, чего еще, привычного и приятного, нет в деревне, положила себе картофелину — та от одного прикосновения вилки рассыпалась на мягкие куски — и хрупнула огурцом. Огурец был крепкий и очень вкусный — в меру соленый, чуть

сладковатый, с отчетливым ароматом укропа, чеснока и еще чего-то незнакомого, но очень аппетитного.

— М-м, какие огурцы вкусные! Никогда таких не ела. — Шурочка аж зажмурилась от удовольствия. Потом открыла глаза и перехватила встревоженный Лизаветин взгляд.

— Тебя на соленое тянет?

— Ой, да меня всю жизнь на соленое тянет, — засмеялась Шурочка. — Другие конфеты трескают килограммами, а я у мамы огурцы маринованные таскала банками трехлитровыми! Но у нее совсем другие, такие вкусные никогда не получаются!

— Я тебя научу, — откликнулась Лизавета, — в выходные как раз солить буду, приходи, поможешь. Или лучше совсем переходи ко мне жить! Вот прямо сейчас ночевать оставайся, а завтра вещи принесешь.

— А удобно? — спросила Шурочка. Идея поселиться у Лизаветы нравилась ей все больше и больше. Совершенно городская трехкомнатная квартирка с чистенькой кухней и современной обстановкой совсем не напоминала неопрятную избушку Васиной матери. А Лизавета обращалась к ней так, что Шурочке становилось легко и просто. Пожалуй, впервые с момента знакомства с Васей она чувствовала себя непринужденно.

— Удобно. Пойдем, покажу, где ты будешь спать, — откликнулась Лизавета и привела Шурочку в уютную спальню.

— Мама, а Степка с качелей упал, — раздалось у порога, а следом послышался мощный басистый рев.

— Ах ты ж, вот же ж еще беда, — отозвалась Лизавета и побежала на рев, а Шурочка осталась осматриваться.

В комнате стояла кровать-полutorка с деревянными спинками и пружинным матрасом, накрытая новеньким покрывалом салатной расцветки. Покрывало отлично гармонировало с фиштакковыми стенами, бледно-зелеными шторами на окнах и зелено-бежевым ковром на стене. У другой стены стоял трехстворчатый шкаф с зеркалом во всю дверку. Шурочка подошла к дверке и впервые за последние десять дней отразила себя в полный рост. Синяя футболка из тончайшего трикотажа с вырезом-лодочкой — итальянская, от сестры Любаши — красиво облегла небольшую крепкую грудь. Шурочка повела плечами — свободная от лифчика грудь чуть колыхнулась, соски, отзываясь на прикосновение материи, затвердели и обрисовались маленькими бугорками. Голубые джинсы — марка «Тверь», не хуже индийских, отстояла за ними в Томском ЦУМе два часа в очереди — начинались чуть ниже тонкой талии и ладно облегли круглые бедра. Разлохмаченные кудряшки — надо причесаться — обрамляли высокий лоб, выбивались, убранные за уши, каштановыми прядями на совсем не толстые щеки и вместе с аккуратным, слегка вздернутым носом составляли очень симпатичный портрет. Даже веснушки его не портили. А глаза, — надо же, без очков какие большие. И цвет у них — Шурочка приблизилась к зеркалу, вглядываясь повнимательнее, — не карий, как она всегда думала, а какой-то чайный, что ли.

Вот так, в полный рост, с новой прической и без очков, Шурочка видела себя впервые. Она даже замерла от встречи с незнакомкой в зеркале.

— Хороша краля-то! — Рядом с незнакомкой отразился Вася. Коренастый, выше Шурочки на полголовы, с волосами мышиного цвета, зачесанными на лоб ровной челкой. С горбатым

носом, круглыми, глубоко и близко к переносице посаженными глазами, крупными желтоватыми зубами, обнажившимися в довольной улыбке. Что общего у него с той красавицей в зеркале?

Вася притянул девушку к себе, развернул и впился ей в рот поцелуем. «Ну да, — вяло подумала Шурочка, — что уж теперь, у нас уже все было, и я должна выйти за него замуж».

Она осталась у Лизаветы, и та, не спрашивая, постелила им с Василием одну постель. И Шурочка опять лежала колодой, терпела тяжесть его тела и боль в промежности, кусала губы и старалась не кричать, чтобы не напугать детей.

Но разве об этом напишешь маме? Шурочка еще раз оглядела заклеенный конверт и убрала его в кармашек своей сумки. Успеет еще послать.

Глава 8

— Слушай, Шура, ты что-то совсем пропала у этой Васиной сестрицы. Чего не заходишь к нам? Вчера знаешь какую дискотеку возле клуба устроили! Пыль столбом, доски ходуном, чуть на щепочки не разнесли их танцплощадку! И сегодня опять будет. А положи мне мяса получше, вон тот кусочек кинь! И сметанки погуще! — Ира Зинченко внимательно наблюдала, как Шурочка орудует поварешкой. Студентам сегодня дали выходной, и они обедали в столовой. На первое сегодня был рассольник Мясо к нему — те обрезки, что Шурочка настрогала с отварных мослов, — лежало в отдельной тарелке. Сметана — густая, аж ложка стоит — в алюминиевом ковшике.

— На, бери аккуратнее. — Шурочка протянула Ире тарелку, почти до краев наполненную супом. Посредине рыжей от томата рассольниковой глади плавал островок сметаны. Из него торчал кусочек мяса. Ира утащила тарелку на стол и вернулась еще за двумя — для Леночки и Эльки. Девчонки вот-вот должны были подойти.

— Ну, так придеешь сегодня на дискотеку-то?

— Не знаю. Приболела я чего-то. Шурочка, действительно, чувствовала себя больной. Вчера, в субботу, они с Лизаветой полдня солили огурцы, потом убрали за поросенком. Огурцы солить было весело и вкусно. Ли-завета уложила на дно эмалированного ведра, примерно на четверть, пряные травы, чеснок, затем, почти до края, — пупырчатые, предварительно замоченные в колодезной воде огурчики, засыпала их стаканом сахара, двумя стаканами крупной серой соли и поставила в подпол. Шурочка подавала ей ведра вниз, в подпол, — тяжелые! А Лизавета спокойно принимала их сверху и составляла в полумраке, пахнувшем теперь не только картошкой, но и букетом из смородины, хрена, зонтиков укропа и чеснока. Травы издавали такой аромат! Не надышишься! Поросенок тоже издавал аромат — вздохнуть просто никакой возможности. Он был вовсе не розовым, как представлялось Шурочке, а пятнистым, черно-белым. Лизавета чистила за поросенком в сарае, а Шурочка помогала свинячьи отходы в яму относить. Яма была вырыта в конце огородов, идти к ней было метров триста. Чтобы не затягивать с ароматными ходками, Шурочка просила Лизавету класть в ведра побольше, и та наваливала отходы свинячьей жизнедеятельности, перемешанные с опилками, почти до краев. Потом они носили из колодца воду для бани, потом мылись. В бане Шурочке все время хотелось прикрыться — постоянно чувствовала на себе Лизаветин оценивающий взгляд. Потом заглянула в гости жена Васиного брата Ирина, и теперь глазела Шурочка, с удивлением отмечая морщинки на Иренином лице, устало опущенные уголки губ. Гостья казалась старшей сестрой красавицы с Доски почета и никак не выглядела на свои двадцать два. Все тридцать! И руки — шершавые, с вздувшимися венами.

«От дойки это, — заметила Ирина Шурочкин взгляд. — Каждый день ведь без выходных на ферму бегаю. У меня пятнадцать коров».

А потом вдруг у Шурочки началось кровотечение, хотя для месячных было не время, всего две недели прошло с последних. Думала, сегодня отлежится, да Вася пришел поздно вечером и сообщил, что Анна Михайловна на работу выйти не может и просит Шурочку ее подменить. Так что пришлось идти работать в свой выходной.

Ох, что-то она устала! И невестой быть устала, и вообще. И Вася вчера психанул, что им нельзя, ну, это... и ушел. Хотя ей облегчение — не будет пока приставать со своей постелью...

— Шурка, Шурка, привет! Ты почему третий день не появляешься? Приходи сегодня, танцы будут! Знаешь, какого мы вчера дали жару! — Теперь уже Элька и Лена брали второе для себя и для Иры. На второе был неизменный гуляш — в деревне они жили седьмой день, и каждый день поварихи готовили гуляш. Только гарнир меняли. Сегодня сварили рис.

— Не знаю, девчонки, что-то некогда мне. И устаю.

Да ладно тебе, некогда! Приходи! И Васятку веди, посмотрим, как танцует. А то что-то скучная ты какая-то. — Девчонки подхватили свои тарелки со вторым, стаканы с компотом и убежали к столу.

«Может, правда прийти?»

— Ну, Тосенька, выйдешь уже за меня замуж? А то будешь ломаться, — передумая! — Кто-то из шоферов, сдавая грязные тарелки, опять заигрывал с Тосей-посудомойкой, умственно отсталой девицей лет тридцати пяти.

— Уйди, уйди, — краснела Тося, отворачивалась и отмахивалась от очередного «жениха» красной, распаренной в горячей воде ладонью. Тося была старательной, исполнительской и стеснительной. Ножи ей не доверяли — порежется еще, поэтому стряпать она не помогала. Но посуду мыла чисто и мусор выносила без напоминаний. Хотя какой там мусор-то, если только отходы пищевые, да и те по очереди расхватывали и поварихи, и Людмила — каждая откармливала дома по кабанчику. Теперь, наверное, и Шурочке надо будет в очередь записываться. Вася ведь тоже хочет... кабанчика.

— Девушка, плесните-ка нам вашего замечательного супчику.

Шурочка подняла глаза. Напротив стояла та самая тройца, которую она три дня назад пыталась отговорить есть пересоленный суп: кудрявый высокий красавец, маленький смуглый носатый узбек и темноволосый парень, похожий на Джона Леннона. Шурочка плеснула в три тарелки, щедро плюхнула по полной ложке сметаны, выбрала кусочки мяса посимпатичнее. Узбек и красавец осторожненько, чтобы не расплескать, понесли свои тарелки к свободному столику, а «Джон Леннон» сказал:

— Спасибо! Скажите, а вы любите танцевать?

— Люблю.

— У нас танцы вечером. Приходите! Это возле клуба. Там и наши, и ваши собираются.

— Я знаю, где это.

— Значит, придете?

— Женька, хватит кадрить, освобождай место, вон, очередь собрал. — Крупная и рослая, как гренадер, блондинка оттеснила парня и распорядилась: — Так, два супа, один без сметаны, обе ложки во второй!

Шурочка налила супу, добавила сметану и кинула в тарелки к гренадерше два самых жилистых мясных обрезка. Надо же — Женька, почти тезка Джону Леннону.

* * *

«Когда нам было по семнадцать-восемнадцать лет!» — надрывалась группа «Примус». Или «Динамик»? Шурочка их путала да и не особо старалась отличать. Музыка ей нравилась — веселая, быстрая, сплошь рок-н-роллы. Она ждала-ждала Васю, не дождалась и уже почти в десять пошла к клубу одна. Хотелось встряхнуться, увидеться с девчонками и проснуться, что ли. Как-то быстро все с ней произошло. Вася, Лизавета, Анна Михайловна так быстро и основательно втянули ее в свою жизнь, что иногда казалось: она не живет — кино смотрит. Или сон.

— Эх-эх-эх, оп-па, оп-па! — посреди пустой дощатой танцплощадки резвился Васька Перец. Под рок-н-рольные ритмы он выделял нечто невообразимое: выбрасывал вперед ноги в кирзачах, как бы завершая этим каскад быстрых хлопков в ладоши над головой, по груди, по заднице, по коленям и — оп-па! — руки в стороны, мах вперед от бедра.

— Глянь, что вытворяет. — Леночка наблюдала за Васькиными коленцами и смеялась в голос. — Помнишь, как он нас в первую ночь напугал? Ты знаешь, совсем неплохой парень оказался. Не злой, шутит так смешно!

— Где это он с тобой шутит? — поинтересовалась Шурочка.

— А он на току с нами работает. Так смешит, аж работать не могу. Не то, что твой Васятка, ходит, важничает, бирюк бирюком. Его там кем-то вроде бригадира назначили. Пытается нами командовать! Так мы его и послушались! Да и мужики не очень слушаются. Ой, сегодня же они чуть не подрались!

— Кто?

— Да твой Васятка и мой... в смысле Перец. Васятка раскомандовался, чтобы Перец от нас отошел, тот его послал на три буквы, Васятка — драться, Перец — ему в глаз! Ты поэтому одна пришла, да?

— Наверное.

Перец по-цыгански затряс плечами и прошелся по периметру толпы, наблюдавшей за Васькиными коленцами от бортиков танцпола (кому нужна контузия?).

— А ну, кто смелый-то, выходи плясать! Эй, краля, выходи! — остановился он против Шурочки, и та приняла вызов.

— Ты только ногами не размахивай, зашибешь! — Она выскочила на середину, поймала ритм и запрыгала, как на пружинке: колени, пятки, плечи, кисти — здорово, почти как на занятиях танцами!

— Давай, давай, давай, давай! — Перец послушался и ногами не размахивал. Поначалу он гулко топал после всех своих хлопков в ладоши по груди-по заднице-по коленям, а в завершение пошел впрыскаду.

— Ну, ты огонь, девка! Уморила, как в постели! — Перец подолом рубахи утирал мокрое лицо. — Еще плясать пойдешь?

Нет, устала уже. — Шурочка, действительно, почувствовала сильную усталость. Кураж прошел, вернулась тяжесть внизу живота. Зря она, наверное, так прыгала.

— Ну, как хочешь. Аленушка, а ты пойдешь-то?

— Ну, наконец-то и про меня вспомнил, — надула губки Леночка и пошла танцевать с Перцем. Танец был медленным, и Перец повел Леночку семенящим шагом, поводя плечами и описывая кружочки ее и своей, сомкнутыми в замок, руками. Получалась какая-то кадрили. Рядом в танце висела на шее у партнера Ира. Шурочка пригляделась и узнала в парне шофера Семена, который встретился им в первый день у поселковой дирекции. Чуть наискосок два мужика — тот водитель с темным лицом, который ругался по поводу Шурочкиного супа, и какой-то долговязый усач, его она видела впервые, — приглашали на танец студентку из новой группы. Кажется, ее зовут Оксана, красивая. Оксана смотрела на каждого кавалера по очереди серыми глазами в пол-лица и явно забавлялась ситуацией. Женьки-Леннона видно не было.

Захотелось покоя. Шурочка ушла с танцплощадки и прошла к пруду. Уселась на чудом свободную бревнышко-скамейку и стала смотреть на темную воду.

— Привет, ты чего одна сидишь? «Борюсик! Откуда он взялся? Надо же, заговорил».

— Привет, так, настроение такое, одна хочу побыть.

— А, — не понял намек Борюсик, уселся рядом и сказал: — слушай, выходи за меня замуж!

— Ты с чего это, — развернулась к нему ошарашенная Шурочка и чуть не закашлялась. От Борюсика шел такой густой сивушный дух — хоть закусывай Лизаветинными огурчиками. Понятно, пьян. Видно, деревенские самогоном угостили.

— Я, Боря, уже за другого выхожу.

— За кого? За этого урода деревенского, с которым плясала?

— Нет, не за этого.

— Да брось ты! Я, знаешь, какой! Мне отец, как женюсь, сразу квартиру двухкомнатную сделает. Он у меня знаешь кто? Начальник! Выходи, а? Мне обязательно жениться надо, а то сопьюсь совсем. Отец и в армию меня упек, чтобы я бухать перестал. А теперь жена следить за мной будет. Будешь за мной следить? Отец нашел мне невесту, друга его дочка. Правильная такая, страшенькая. А ты красивая... Выходи, а?

«Ну да, с пьяных глаз я ему — лучше всех».

— Борь, не могу, слишком поздно. Я уже с этим человеком... связана.

— Любишь его, что ли?

— Ну... я должна. Ничего уже не исправить.

— Да брось ты! Фигня это все: исправить — не исправить, должна — не должна. Если любишь его — тогда извини. А если не любишь — выходи за меня. — Борюсик схватил Шурочку за руки и прижал их к своей груди.

— Борь, но я ведь и тебя не люблю! — Шурочка аккуратно освободилась.

— Может, полюбишь, а? Я хороший, у меня папа начальник, все сделает.

— Я подумаю, хорошо? — Шурочка поднялась с бревна и пошла обратно к танцплощадке. Там уже разнимали драку — схлестнулись Оксанины кавалеры. Шурочка смотреть не стала и пошла на улицу, к Лизавете.

Она уже прошла с полдороги, когда услышала за собой быстрые шаги. Обернулась — Вася.

— Ты, это, ты чё одна в клуб-то ушла? — Вася подошел совсем близко, и Шурочка заметила фингал у него под глазом. Засветил ему все-таки Перец!

— Я ждала тебя, ждала, думала, не придешь сегодня. Пошла потанцевать с девчонками.

— Я видел, как ты плясала! Ты на бревне, это, с городским обжималась! — От Васи явно разило спиртным. Да что они все сегодня упились-то, сговорились, что ли!

Вась, ты что, подглядывал за мной? Ты что, не доверяешь мне? Следил? Лучше бы подошел, все бы и выяснилось! Мы же пожениться хотим, как ты можешь мне не доверять! Да и не обжималась я, он просто сел поговорить, да я и ушла почти сразу! — оправдывалась Шурочка.

— Ага, ушла сразу! Сначала с Васькой Перцем терлась, потом с этим своим студентом. Я, это, выяснил уже. Таскаешься, да? С Перцем таскаешься? Еще с кем? Не зря по деревне-то говорят, что вы, городские, — курвы все. Мы неделю всего дружим, и ты, это, начала уже!

— Вась, ты что? Ты же знаешь, ты первый у меня! У меня нет никого! И не было! Я же девушка была!

— Да притомила ты меня, девушка, — сплюнул Вася на дощатый тротуар. — То ей больно, то нельзя, то хворает, то не может. На чё ты мне сдалась-то такая? Меня, вон, это, Танька-свинарка из армии ждала. Девка — огонь. И огород вскопать, и за коровой ходить, и мужика ублажить, это, все может. А тут ты прилипла, краля городская. Хорошо, сегодня глаза-то открылись у меня. Все, не ходи за мной!

Вася опять сплюнул. Шурочка проследила, как второй плевок расположился поверх первого плевка. Меткий какой! Он развернулся и пошел обратно к клубу, а Шурочка добрела до Лизаветиного двора, уселась на лавочку и попыталась сообразить, что, собственно говоря, произошло? Все? Вася теперь на ней не женится? Или это у них первая ссора?

У забора раздалось кошачье взмуркивание. Шурочка вгляделась. Роскошный рыжий кот выводил вкрадчивые рулады, как бы обещая той, что откликнется, любовь и неземное наслаждение. «Вот дает, — подумала Шурочка, — прямо серенада. Была бы я кошкой, не устояла бы». На призыв откликнулась серая Лизаветина кошечка. Она выпрыгнула из форточки, тихонько мяукнула рыжему ловеласу и побежала в огород. Рыжий метнулся следом. Шурочка пошла спать.

Глава 9

— Александра, ты извини, но мне, наверное, придется ехать в район, лечь в больницу на неделю. Пацанов я маме оставлю. А ты у меня одна жить не можешь. Отдай ключи, пожалуйста. — Лизавета отводила глаза. Она явно говорила неправду. Впрочем, Шурочка не удивилась. Все логично, все ожидаемо, все к тому и шло со вчерашних злосчастных танцев.

С утра она пораньше, все еще спали, ушла в столовую. Покрутилась полдня, обдумывая в голове вчерашний вечер, а в перерыв забежала в дом — полежать, подумать. Слабость не отпускала, голова кружилась. Наверное, из-за кровотечения. А тут — Лизавета.

— Да, Лиза, я понимаю, я сама собиралась уходить. Вот, вещи пришла собрать. Что ж мне жить у тебя, если с Васей все кончено.

— Ты не держи на нас зла-то. — Лизаветин голос растерял всю решительность. — Ну, не сложилось у вас с Васькой-то, так и бог с ним. Ты вон молодая, красивая, найдешь себе городского. Что тебе наша деревня? Не приживешься ты здесь.

— Лиз, понимаешь... Я ведь теперь не девушка... Что я скажу... Как объясню...

— Шур, ты что? Боишься, что следующий мужик будет попрекать предыдущим? Да брось ты, если любит — простит! — Лизавета так уверенно это говорила, что чем-то напомнила Шуре ее маму. Та так же уверенно говорила: «Если мужчина легко добивается близости, он тебя перестает уважать. Легко к этому относятся только шалавы и проститутки». Что ж, ее Вася точно в проститутки записал. Права была мама, права.

— Шур, ты заходи в гости-то, в баньке заходи попариться, — попрощалась с ней Лизавета, и Шура побрела к клубу, сгибаясь под тяжестью собственных мыслей.

Как же жить-то теперь, Господи? Как она объяснит теперь своему принцу, отчего не девушка? Да и будет-то он теперь, принц? И простит ли, как узнает? Что теперь про нее скажут?

Может, она теперь — шалава? Шурочка вспомнила комнату девчонок на их этаже. Девчонки были курсом старше и на всю общагу славились своим развеселым поведением. Шурочка сама как-то, стряпая на кухне, слышала, как Фарид с третьего курса (взрослый парень, восстановившийся на факультете после армии. Шурочка всегда сжималась под его неприятным ошупывающим взглядом) комментировал постельное мастерство одной из этих девчонок. Мол, попробуйте, никому не отказывает. Парни курили у окна в коридоре, разговаривали громко, слышимость на кухне была отличная. Теперь, что, и про нее ТАК говорить будут? На всю общагу? Как же жить теперь?

Под свои печальные мысли Шурочка незаметно добрела до клуба, зашла в казарму-спортзал и кинула сумку под кровать. Легла, и сетка растянулась почти до полу знакомым гамачком. Вернулась. Сходила замуж. Неужели прошло чуть больше недели? Хорошо, хоть девчонкам не растрепала — не станут ни смеяться, ни жалеть.

«Что это было-то? — спросила себя Шурочка и не смогла ответить. — Любовь?» Она честно прислушалась к своим ощущениям. Любви там не было. Была обида, что ее отбросили, как надкушенное яблоко. Облегчение, что все закончилось и ей не надо выходить замуж за Васю. Подозрение, что совсем она никудышная, раз даже такой урод послал ее подальше.

* * *

— Шурка, ты чего опаздываешь-то? Макароны по-флотски на ужин, быстренько ставь воду и чисть лук!

Повариха Наталья уже нарезала тазик сырой говядины и готовила электромясорубку. Мясорубка — зверь, любое мясо пережевывала как нечего делать, поэтому Наталья не сильно морочилась — напластала куски вместе с пленками и сухожилиями.

Шурочка послушно налила воду в котел, посолила, оставила закипать.

Накидала в тазик луку и принялась снимать с крупных приплюснутых головок золотистую шелуху. Шелуха сидела плотно, последние пленки приходилось буквально соскребать, и под ножом выступали капельки сока. Лук был свежий, злой, и даже нескольких капель хватило, чтобы у Шурочки защипало в носу. Из глаз запросились слезы, и она перестала сдерживаться — заплакала, отпуская на волю и обиду, и недоумение, и страх. Она даже по-всхлипывала немножко — электромясорубка гудела, что твой пылесос, все звуки заглушала надежно.

— Ну, — сунулась к Шурочке Наталья, — почистила? Давай, резать помогу Эй, а ты чего зареванная такая?

— От лука! — ответила было Шурочка, но голос дрогнул и сорвался на всхлип.

— Так, подруга, что-то ты мне не нравишься. Лук еще и резать не начинала, а уже ревмя реवेशь. С Васькой, что ли, поругалась?

— Он сказал, что я курва гулящая и что такая ему не нужна-а-а-а! — Шурочка сорвалась на рыдания. Жалко себя было чрезвычайно. Она! Ему! Отдала! Самое! Дорогое! Готова была жизнь ради него изменить, а он!

— Вот говнюк! — посочувствовала Наталья. — Радовался бы, что такая девка с ним дружит! Нюрка-то исхвасталась вся, что ее сыночек городскую девку уговорил. «Перед моим Васенькой ни одна баба не устоит! Весь в отца!» Где он, тот отец-то! Сама, небось, не знает, кто ей Ваську заделал!

— Как это? — Наталья выступала так эмоционально, что Шурочка мигом перестала реветь. Действительно, про своего отца Вася не рассказывал. Сказал, что умер. — Вася сказал, что отец у него умер! — повторила она Наталья.

Может, и умер, кто его знает, — согласилась та. — У Нюрки-то муж умер, когда Лизка еще маленькая была. Так в ее койке только ленивый не валялся. Все мужики отметились, кто не побрезговал. Ей бабы деревенские даже стекла два раза в избе били! Так Ваську и нагуляла! — рассказывая, Наталья начала резать лук на мелкие кубики.

— Наташ, а ты откуда знаешь? Ты же тогда совсем маленькая была? — Шурочка принялась разрезать луковицы пополам и складывать их в таз с водой. Так меньше глаза ест.

— Так это тебе, девка, деревня. Это не город твой. Все всё про всех знают. Ты, вон, с Васькой только задрружила — а уж вся деревня знала!

— Да откуда знала-то? Мы же по улице и не гуляли почти?

— Да Нюрка, говорю же, растрепала. Потом соседка ее Зинка видела, как ты ночью от Нюрки уходила. Штаны твои красные запомнила, ты ведь одна в таких ходишь, — кивнула Наталья на Шурочкин спортивный костюм.

— Слушай, Наташ, но это же ужасно! Живете, как на сцене! Или в цирке! — Шурочка перестала орудовать ножом и вытерла рукавом слезы. На этот раз стопроцентно луковые.

— Ага! И такие фокусы показываем! Людка, вон, напилась в прошлую зарплату — две недели вся деревня пересказывает, чего вытворяла!

— Это ты про нашу заведующую?

Ага! Они с Райкой из конторы шли через огороды. До тропки идти лень, видно, было — через загородку полезли. А после дождя скользко везде, лужи. Райка-то перелезла и дальше пошла, а Людка грохнулась. И как грохнулась-то! Мордой вниз, грудьми в грязь, а нога кверху задрана, в загородке застряла ногой-то. Колготки порвала, плащ свой светлый перепачкала.

Шурочка попыталась представить себе картину, как статная гордая завстоловой лезет через загородку: четыре жерди, закрепленные поперек коротких бревен, нижняя — на уровне колен, верхняя — на уровне груди. Картинка не складывалась.

— Лежит, не шевелится! — продолжала Наталья. — Райка испугалась, вернулась, стала Людку шевелить, а та матом — не трожь, мол, видишь, женщина устала. Представляешь, это она отдохнуть прилегла!

— И что?

— Что, Сашку, мужа ее, позвал кто-то. Он ее из забора вытащил, давай поднимать, а она — драться! И матом его в полный голос! Короче, потешила народ артистка наша.

— Наташ, но ведь это страшно. Все время люди тебя судят, сплетничают. И тяжело.

А ничё не тяжело. Здесь в деревне вся шелуха с человека сходит, как с луковицы, вон, — кивнула Наталья на горку луковых очисток. — И сразу видно, какая у кого сердцевина. Если чистая — так и никакая грязь не пристанет, что бы ни насплетничали. Ой, мать, заболтались мы с тобой! Ужин через полчаса! Вода искипелась! Быстро засыпай макароны! И воду на чай ставь! А я буду фарш жарить!

* * *

— Шур, а что у вас произошло-то? — Леночка Голованова смотрела на Шуру с любопытством, явно предвкушая душещипательный рассказ. Шурочка лежала на кровати, закинув руки за голову, а девчонки расположились по соседству. Элька сидела на своей койке, сдвоенной с Шурочкиной, а Ира с Леночкой расположились на Леночкиной кровати через проход. Их кровати стояли в самом углу у стеночки, остальные койки, хоть и обжитые — на спинках была развешана одежда, — пустовали. Студентки из второй группы где-то гуляли.

— Что-что. Кончилась любовь, ушла я от Васятки, — ответила Шурочка максимально равнодушным голосом.

— Да? А он об этом знает? Веселый такой ходил сегодня по зерносушилке, со мной заигрывал, — протянула Ира Зинченко и с прищуром взглянула на Шурочку: — Смотри, отобью!

— Ой, Ирка, ты не можешь без своих подначек! — вступилась за подругу Леночка. — У нее вон все глаза красные, зареванные, а ты — отобью!

— Девочки, говорю же, все кончено у нас. Глаза у меня от лука красные — целый тазик на ужин накрошила. Можете Васятку отбивать, прибивать, выбивать и забивать.

— Да ладно, Шур, не расстраивайся. Прошла любовь — и слава богу. Мы, если честно, все удивлялись, что ты нашла в этом Васятке, — подала свою реплику Элька.

— Сама не знаю. Захотелось попробовать, как это — любовь крутить.

— И как? — опять с подковыркой спросила Ира.

— Ой, Зинченко, а то ты не знаешь! Семен, что ли, до сих пор не показал, как? — опять вступилась Леночка.

— А тебе твой Перец показал уже? Или вся его любовь, как в ту ночь — в доску пьяный в полной темноте? — огрызнулась Ира.

— Девчонки, вы что? Вы чего цапаетесь? — удивилась Шурочка.

Да это они так, разминаются, не обращай внимания, — ответила Элька. — Ирка, знаешь, отчего к тебе цепляется? Вчера, как ты с танцев ушла, Семен с Перцем сказали, что из всех городских девчонок, кто приехал, самая красивая Оксана Буряк, ну, видела, из-за нее шофера подрались, а на втором месте — ты. И знаешь, — Элька внимательно разглядывала Шурочку, — они правы. Ты, действительно, очень изменилась. Стрижка тебе идет. И без очков тебе гораздо лучше.

— Ой, девчонки, а что вчера было-то! — перевела разговор Шурочка. Ей было и приятно, и неловко слышать, что она — красавица. Да и Иру с Леночкой надо было отвлечь. — Меня же Борюсик вчера замуж звал! Представляете, то даже не разговаривал, а то — замуж! Пьянящий!

— А ты чего? — опять заблестела любопытными глазами Леночка.

— Удивилась. А сегодня в столовой подошел за порцией, даже глаз не поднял. И не поздоровался, жених.

— Ну, понятное дело, протрезвел, не помнит уже, чего пьяный лепил. Или помнит, но боится, что согласишься! Интересно, а знает хоть, как тебя зовут-то, — опять подпустила шпильку Ира. Ну что за характер!

— Эй, у нас что, теперь местные поселились? — в девчачий отсек вошли три студентки. Гренадерша-блондинка, еще одна блондинка, невысокая, полноватая, в очках в тонкой оправе, и худая девушка с прической, похожей на Шурочкину. Худая девушка двигалась как-то странно, будто несла на голове хрустальный сосуд. Спрашивала гренадерша. Ее спутницы уже разбрелись по своим кроватям, а она подошла в угол к подругам.

— Это Шура из нашей группы. Она просто на несколько дней уходила к... дальним родственникам. Они у нее тут живут, — зачем-то соврала Элька.

— Надо же, как повезло. Тетка, что ли? — спросила гренадерша и представилась: — Луиза.

— Жена маминого троюродного брата, — продолжила вранье Шурочка. — Я Шура.

— А это Марина, — Луиза кивнула в сторону очкастой блондинки, — и Люба.

— Очень приятно.

— А что вернулась-то? — не унималась Луиза. — В доме-то лучше жить, чем в этой казарме.

— Скучно там. И за поросенком надо чистить.

— Понятно. Ну, живи, — разрешила Луиза и пошла к своей кровати.

— Чего это она пристала ко мне? — вполголоса спросила Шурочка у Эльки.

— Да не обращай внимания! Она самая старшая среди нас, ей двадцать шесть уже, вот и решила, что всех опекает. Слушай, Шур, а ты можешь нам картошки нажарить? Чего-то мы так по жареной картошечке соскучились! Пожарь, а? И огурцов купим соленых в магазине.

— А где мы эту картошку есть будем?

— Да в столовке и будем. Придем вечером тихонечко. У тебя же ключи есть, ты же дверь последняя закрываешь?

— Ну, я... — Элькина затея Шурочке не очень нравилось. Вечером остаться на кухне, стряпать, вдруг Людмила не разрешит?

— Ну, так мы поедим, уберем все, ты и закроешь свою столовку!

«Ладно, — подумала Шурочка, — спрошу завтра у Людмилы, не разрешит — скажу девчонкам, что не получается».

Глава 10

Утром Шурочка проснулась с четким ощущением беды. Еще вся была там, во сне, реальность только-только приоткрыла краешек, и беда хлынула в эту щелку, разрывая ее прорехой нового дня. Да, точно, вспомнила Шурочка, ее бросил Вася, и она теперь — шалава.

Над головой затопали голуби. Они жили на чердаке клуба и в первое же утро напугали девчонок своими перебежками по потолку. (Леночка даже решила, что это крысы на чердаке резвятся, и не поверила завклубом, который объяснял, что это топают птицы). Шурочка аж вздрогнула — за эту неделю забыла про голубей! Часики на руке показывали без десяти шесть. Надо же, как она приучила себя вставать вовремя без всякого будильника.

Шурочка быстро натянула свои джинсы и свитер, накинула куртку-штормовку. Конец августа, по утрам уже зябко. Выскочила во двор, подоила рукомойник под липой, протерла глаза ледяной, остывшей за ночь, водой.

Смешно, но вчера Борюсик опять звал ее замуж. Выбрал момент, когда она осталась одна — ушла по берегу пруда чуть в сторону, смотрела на воду, погружившись в свои невеселые мысли. Подошел и опять бормотал что-то о том, что она должна его спасти, и опять был абсолютно пьяный. Может, согласиться?

— Я чё теперь должна за тебя работать? Гуляешь всю ночь — твое дело, но на работу вовремя приходи! — Анна Михайловна накинулась на нее почему зря. Шурочка пришла почти вовремя, в четыре минуты седьмого всего. Да и повариха, судя по всему, только-только двери открыла. Вон, фартук еще толком не повязала, а уже шумит.

Шурочка молча прошла, сняла штормовку, повязала передник и принялась промывать рис для каши. Анна Михайловна достала два трехлитровых бидона с молоком и начала разливать его по стаканам. Молоко обе поварихи в столовую приносили свое и потихоньку им приторговывали. Людмила, заведующая, не возражала, а студенты и шофера с удовольствием расхватывали

жирное свежее молоко — не всем еще и доставалось. Шурочка «по благу» обычно заначивала девчонкам три стакана.

Анна Михайловна прекратила разливать молоко и пальцем полезла в стакан. Доставала рыжий волос — то ли с нее упал, то ли с коровы. Так, надо девчонок предупредить, чтобы не брали сегодня молока.

Закончив с рисом, Шурочка начала пластать на кубики сливочное масло, открывать большую жестяную банку с яблочным повидлом, а повариха взялась за кашу. Вода в котле уже закипела, повариха вытряхнула туда несколько поварешек сухого молока, перемешала и высыпала рис.

«Как-то не так она делает. Надо ведь сначала крупу, потом жидкость», — вяло подумала Шурочка, но спрашивать не стала. Разговаривать с Васиной матерью не хотелось.

В молчании накормили народ завтраком — каша подгорела и была невкусной, поэтому студенты налегали на масло и повидло. Шурочка тоже наскоро хлебнула чаю с кусочком сладкого бутерброда — через силу, есть не хотелось. А после одиннадцати пришла заведующая Людмила и объявила:

— Так, бабоньки! Шоферня пожаловалась директору совхоза, что мы их закармлили гуляшем с макаронами. Котлет требуют и борща! Сегодня на гарнир делаем пюре, завтра придут бабы из конторы помогать обед стряпать. Пельмени будем лепить!

— Людмила, это ж нам возни до вечера! — всплеснула руками Анна Михайловна.

— Говорю же, помощь будет! Трех пришлют завтра к одиннадцати! Ты, Анна Михайловна, тесто с вечера заведи. И мясо тоже я загодя отпущу, чтобы утром времени побольше было.

— А сегодня помощь не пришлют? — с надеждой спросила Шурочка. — Я уже не успею и столько картошки на пюре перечистить, и суп сварить!

— Анна Михайловна поможет! — откликнулась Людмила.

— Я чё, разнорабочая тебе, что ли? Это Шуркина работа картошку чистить! Эта краля, значит, спит на ходу еле поворачивается, а я за нее успевай? Пускай сама потрудится, а то боится белые ручки замарать, — взвилась Анна Михайловна.

Шурочка посмотрела на свои ладони. Желтые они какие-то от этих бесконечных овощей. Пальцы загрубели совсем. Вон, на указательном сбоку мозоль от ножа. И трещина. Трещина стала расплываться. Шурочка почувствовала, что на глаза навернулись слезы.

— Так, — Людмила переводила внимательный взгляд с поварихи на Шурочку, — не твое, говоришь, Анна Михайловна, дело, картошку чистить? Ладно, иди делай свое дело, я сама здесь помогу. Ты во второй бак пока мой картоху-то, — обратилась она к Шурочке, — а я с этой начну.

И Людмила присела к баку с картофелем, намытым еще с вечера. Шурочка всегда готовила его загодя, чтобы днем больше времени было, и ставила тут же в хозотсеке два бака рядом: с картошкой и с водой для чистых клубней. Людмила взяла картофелину и быстро-быстро заработала ножом, счищая кожуру тонкой непрерывной лентой.

Шурочка поторопилась намыть еще четыре ведра картофеля, высыпать его в третий бак, и присела скорее на свою скамеечку чистить. У нее получалось не так красиво, как у Людмилы,

но тоже довольно споро — приноровилась за неделю-то!

— Чего вы с Нюркой-то не поделили? — спросила Людмила вполголоса, чтобы не слышала Анна Михайловна.

— Ничего. Я с Васей перестала встречаться, может, поэтому.

— Ну и правильно! Сволочная баба эта Нюрка, зря ты с ней связалась.

— Я не знала. Она добрая такая была, в гости звала, доченькой называла. А теперь — орет.

— Добрая... Злая она и завистливая, а не добрая. И грязнуха. В столовку я ее только на сезон и согласилась взять — а так и на дух она мне не нужна!

Вдвоем с Людмилой Шурочка за час разделала первый бак с картофелем.

— Ладно, ты тут пока одна побудь, я сейчас Нюрке выдам продукты. И суп ее заставлю варить, а ты уж сама заканчивай с гарниром. Анна Михайловна, пойдем! Я тебе еще и мясо по весу отпущу, положишь в холодильник, чтобы завтра Натахе времени не терять!

Второй бак картофеля Шурочка дочистила в одиночку. Работала, как в трансе-, глаза смотрели в одну точку, руки делали монотонные движения, голова очистилась от мыслей, ощущение беды прошло.

* * *

— Ну что, жарим? — Ира Зинченко стояла по ту сторону стойки и прижимала к животу трехлитровую банку с огурцами. Леночка и Элька стояли рядом и с надеждой вглядывались в глубь кухни: вдруг уже шкварчит там картошечка?

Шурочка в суматохе дня совсем забыла про девчонок и не спросила у Людмилы разрешения на вечернее застолье. И что им теперь сказать? Вон как настроились! Огурцы притащили!

Шурочка решила попотчевать девчонок на свой страх и риск.

— Девчонки, вы погуляйте еще полчаса, я пока картошки начищу. Все уйдут, столовую закроют, приходите с черного хода, — быстро проговорила она вполголоса, чтобы не слышала Анна Михайловна. И взяла у Иры тяжелую банку.

— Ладно, — кивнула Леночка и громко уточнила: — Значит, в восемь тридцать, да?

— Идите, идите, — замахала на нее руками Шурочка.

— Ты чё это затеяла? — Анна Михайловна внимательно смотрела на Шурочку, склонив к плечу носатую голову. Шурочке показалось, что на нее глядит злобная рыжая птица.

— Да ничего, мы с девчонками решили картошки нажарить, они, вон, и огурцы купили, — виновато забормотала она, будто застигнутая на месте преступления.

— А Людка-то знает?

— Знает. Она разрешила, — уверенно соврала Шурочка и решительно взглянула в маленькие птичьи глазки.

— Ну-ну. Смотрите, не трогайте ничего, а то все продукты по весу. Если Натаха чего завтра не досчитается — тебе отвечать.

— Анна Михайловна, мы только хотим пожарить картошку. Больше мы ничего трогать не будем. Огурцы купили свои.

— Ну-ну — повторила повариха и пошла в хозяйственный отсек, где стоял холодильник.

Впрочем, Шурочка уже не обращала на нее внимания — закрывала двери за последними едоками. А потом — как же она ей обрыдла-то за день! — опять начала чистить картошку.

* * *

— Класс! Прямо душу отвела. — Ира Зинченко одна умяла почти полсковородки жареной картошечки. Эльке с Леночкой досталось по четвертинке, а Шурочка — так, склевала несколько кусочков. Аппетит так и не вернулся.

— Слушай, Шур, а помнишь свою картошку фри? — хихикнула Леночка. — Помнишь, как Димкины соседи чуть пожарных не вызвали?

Картошка фри. Да, это было ее коронным блюдом дома, в Ташкенте. Она мелкой соломкой настригала картошку, затем разогревала в казане хлопковое масло и обжаривала до хруста продолговатые кусочки. Когда на первом курсе они собрались праздновать день рождения группы и обсуждали меню, Шурочка предложила сделать курицу в духовке — кусками, каждый кусочек смазан чесноком и посыпан ломаной лаврушкой — и картофель фри.

Народ согласился. Праздновать собрались в доме у Димы Тихомирова. Его бабушка ходила и приговаривала, как хорошо, что у Димочки столько новых друзей. И хорошие все какие! Бабушка Шурочке понравилась, и она с воодушевлением хлопотала на кухне, представляя, как бабушка будет приговаривать, что Димочкины друзья и готовят вон как хорошо. Озадачивала только плита. У них дома в Ташкенте была газовая, а здесь — электрическая, с круглыми блинами-конфорками.

С курицей у Шурочки все получилось идеально — духовка работала по знакомому принципу: разогрела до 250 градусов и поставила противни. А вот с картошкой...

Казана не нашлось, поэтому решили — Леночка ассистировала — делать фри в двух глубоких сковородках. Хлопкового масла в Томске не было. Везде продавали подсолнечное, поэтому пришлось жарить на подсолнечном. Шурочка примостила сковородки на разогретые электрические конфорки, плеснула растительного масла — вместе с маслом попали хлопья осадка — подождала пару минут и бросила в каждую сковородку по горсти картофельных ломтиков.

И тут началось нечто невообразимое! Масло моментально вспенилось и стало подниматься к краям сковородок! Шурочка быстро отключила конфорки, а толку-то! Пенные шапки перевалили через края сковородок, попали на раскаленные конфорки, и масло запылало желтым пламенем.

Леночка завизжала, Шурочка рванула к окну и распахнула его пошире. В окно повалил синий чад, а Шурочка тупо смотрела на сковородки, окруженные пламенем, видела, как всплывают обжаренные до черноты «фришки», и прикидывала, как бы выхватить их оттуда. Потом в дверь зазвонили соседи — увидели дым из окна, а бабушка их успокаивала, что все нормально, ребята празднуют день рождения, стряпают на кухне. Да, классная все-таки у Димки бабушка!

Пришлось им тогда вместо фри делать картофельное пюре.

Подружки доскребли пригар со дна сковородки — самое вкусное! — быстренько помыли посуду. Огурцы — разумеется, все три литра не осилили — оставили на столе. И отправились в свой спортзал. Народ опять затевал какие-то танцы, но Шурочка так умаялась за день — уснула почти сразу, как пришла. И музыка не мешала, и свет, и туда-сюда снующие девчонки.

Глава 11

— Слушай, Люд, а чё так мало мяса-то? Разве хватит на пятьдесят порций пельменей? И вечером мы хотели тефтели лепить? — Наталья держала на весу большую эмалированную чашку, наполненную шматами говядины.

Утро в столовке выдалось суматошное. Анна Михайловна с вечера не замесила тесто, и Наталья уже успела вволю наматериться, в авральном порядке перемешивая воду, соль, муку и пяток яиц. Теста получилось так много! Целая гора отлеживалась на разделочном столе, накрытая чистой скатертью. По-хорошему, чтобы набухла клетчатка, тесту надо вылеживаться не меньше часа, потом лепить пельмени, потом варить. Получалось, чтобы успеть к обеду, затевать тесто надо было либо с вечера, либо с утра пораньше. Хорошо, Шурочка подстраховала Наталью. Практически самостоятельно сварила молочную лапшу (на котел воды три черпака молочного порошка, черпак соли, два черпака сахара, маленький тазик сухой вермишели. Порошок всыпать в теплую воду размешать. Лапшу всыпать в кипящую жидкость, перемешать. Как сварится лапша, кинуть соль, сахар, кусок масла граммов в триста. Перемешать. Ничего сложного!), заварила чай во втором котле, нарезала хлеб, разложила повидло из вчерашней банки. Хороший получился завтрак, никто не жаловался.

И после Шурочка довольно быстро все подготовила для борща. И мослы загрузила в котел (Наталья помогла разрубить. Откуда только сила берется! Раз — и на толстой колоде уже не длинная костяца толщиной в руку, а два компактных обрубка, из которых выглядывают толстенькие колбаски костного мозга. От этих колбасок-то и самый навар!), и овощи начистила и приготовила. Даже свеклу с луком и морковью натерла и поставила тушиться на плиту в сковородке. (Опять фартук припала! Никак она не привыкнет к этой плите. Вся конфорка — как черная столешница, горячая от края до края. А она, привычка дурацкая, вечно к краю животом приваливается, как к столу. Весь фартук в подпалинах!)

В общем, успевали они нормально. Наталья успокоилась, собралась уже фарш крутить — через полтора часа должны были пожаловать помощницы из конторы, до их прихода нужно было все подготовить. И тут увидела, что мало мяса.

— Наташ, все по закладке, я вчера отпускала по весу, считала. — Людмила вышла из своей комнатки, где она сидела с бумагами, и взглянула на миску с мясом: — Слушай, что-то, и вправду, мало мяса. Я вчера отпускала — с горкой было, а теперь еле до краев доходит. Давай-ка на весы.

Наталья поставила миску на весы — обычные, как в магазине, они зачем-то стояли прямо на кухне.

— Четыре кило!

— Так, а я отпускала Нюрке вчера семь килограммов. Стырила, что ли, старая курва? Так, и чё делать-то теперь? Это остатки были, новое мясо к вечеру привезут. Чем народ-то кормить?

— Люд, давай Тосю-дурочку за Нюркой отправим, пусть ее сюда зовет, разбираться будем, —

предложила Наталья и, не дожидаясь ответа, позвала посудомойку: — Тоська, бросай надраивать стаканы! Иди сюда скорее! Помнишь, где тетка Нюра живет, вторая повариха-то? Молодец. Быстро беги до нее, скажи, заведующая срочно в столовую зовет. Скажи, премию ей выписала за хорошую работу, получить надо прямо сейчас! Приведешь, дам тебе шоколадку. Вот, видала какую, — Наталья достала из сумки плитку шоколада в красной обертке и показала Тосе. Дурочка потянулась к яркому фантику. — Нет, Тося, сначала тетку Нюру приведи.

— Я быстро, я быстро, — закивала Тося и, громко топая, побежала к выходу.

— Ладно, Нюрку-то она приведет, — сказала после паузы Людмила, — а что толку-то? Где мясо брать? С ее ляжек, что ли? И ведь, паскуда, именно сегодня нагадила. Бабы из конторы придут, узнают, насплетничают, до директора дойдет... Чё делать-то, а?

— Люд, давай пока пельмени делать, а к вечеру что-нибудь придумаем. Давай я фарш пока покручу. Шур, лук начистила?

— Сейчас, заканчиваю!

Все время, пока поварихи разбирались с мясом, Шурочка прислушивалась и решала: можно уже Людмиле признаваться, что они вчера с девчонками посидели без разрешения, или погодить пока? Вон как расстроилась из-за мяса! И чего это Анна Михайловна так обнаглела-то? Три килограмма спереть, это на что же она надеялась? Что не заметят?

Шурочка дообдирала последнюю луковицу и понаблюдала, как Наталья целиком скармливает луковицы электромясорубке. Фарш она пропустила два раза, и он получился мягкий, ровный. Наталья его посолила, поперчила, кинула кусок свиного жира из банки — постная же говядина-то — и накрыла тазик с фаршем чистым полотенцем. Пусть постоит — здесь, у окна прохладно.

Шурочка тем временем нашинковала полведра картошки и два средних вилка капусты для борща. Зажарку она уже сделала загодя, и та поджидала своей очереди на холодном краю плиты.

— Что за премия-то, Люд, вроде в этот месяц не обещали? — Анна Михайловна перешагнула порог, а Тося-дурочка крутилась рядом, только что за рукав ее не тянула. — Думала попозже прийти, я дома тесто затеяла, так Тоська вцепилась — срочно, срочно. Не отвяжешься! Где расписаться-то?

— Анна Михайловна, у нас ЧП, — перебила повариху заведующая. — Я вам вчера сколько мяса отпустила?

— Да не помню я, ты ж записывала! Не сошлось, что ли?

— Не сошлось, Анна Михайловна. Трех килограммов не хватило.

— Эй, Шурка, — развернулась вдруг в сторону Шурочки всем своим грузным телом Анна Михайловна, — не лопнули вы вчера с девками своими три кило говядины сожрать?

— Что??? — У Шурочки аж дыхание перехватило. Людмила и Наталья уставились на девушку. На кухне повисла абсолютная тишина. Даже Тося-дурочка, которая получила свою шоколадку и начала было шуршать фольгой, затихла.

— Хорошо, говорю, мясо-то пошло? Не объелись? Она ж вчера подружек своих сюда зазвала вечером, когда все ушли. Они тут закусывали, вон, видите, осталось: — Анна Михайловна ткнула пальцем в направлении банки с огурцами. — А ты чё, Людка, не знала? Шурка сказала, что ты ей разрешила! Ты проверь, может, они еще чего пожрали. Масло проверь, сахар.

— Шур, это правда? — строго спросила заведующая.

— Люда...

— Людмила Васильевна!

— Людмила Васильевна, мы только картошку жарили, мы ничего не трогали, честное слово! Только картошки чуть-чуть, пару килограммов. Я оплачу! И огурцы девчонки купили специально в магазине, к картошке! Они так просили, я не успела вчера разрешения спросить и сегодня хотела сказать, да вам не до меня было с этим мясом... — Шурочка аж ладони прижала к груди, убеждая заведующую, что у нее и в мыслях не было ничего плохого. Хотя и чувствовала себя виноватой, что устроила пир, не спросившись.

— Ой, гляньте-ка на нее! Ручки сложила, глазки вытаращила — ангел прямо! Мало того, что гулящая, так еще и воровка! — прокомментировала Анна Михайловна.

— Да как... да как вам не стыдно! — обвинения были такими несправедливыми, что Шурочка перестала ощущать вину. Она вообще перестала ощущать что бы то ни было. — Вы же сами это мясо и взяли! А на меня сваливаете! Вы всегда мясо из столовой уносите, я видела! И Васька ваш меня силой взял, а я теперь еще и гулящая! Сама ты гулящая! Нюрка!

Шурочка еще успела заметить, как перекошилось лицо Нюрки, как она открыла рот, набирая воздуха, и тут сдавило сердце, в глазах потемнело и девушка по стеночке сползла прямо на кафельный пол.

— Шур, Шур, очнись, очни-и-ись. — Кто-то похлопывал Шурочку по щекам. Открыла глаза — Наталья.

— На, выпей, — Наталья протягивала ей стакан.

Шурочка понюхала — валерьянка, залпом выпила. — Наташ, я, правда, правда, не брала ничего, — прошептала она.

— Конечно, не брала, — согласилась повариха.

— В общем, так. — Шурочка повернула голову на голос заведующей, поняла, что сидит на полу, прислонившись к стене, и попыталась встать: — сиди, сиди. Наталья, принеси ей сиденье от стула, ну, то, что отваливается, а то застудится девка на холодном полу. В общем, так, Анна Михайловна. Либо возвращай три килограмма говядины, либо я записываю их за тобой по базарной цене. С зарплаты вычту двенадцать рублей, по четыре за килограмм.

— Какие двенадцать рублей! Ты что, это филей столько на базаре стоит, а в той говядине одни жилы-то и были! — заспорила Нюрка и осеклась. Проговорилась.

— Ах ты ж, гадина паршивая, наговорила на девчонку. Да чтоб ты подавилась мясом-то ворованным, чтоб оно у тебя в пузе комом встало. — Маленькая худая Наталья, подбоченясь, наступала на грузную Нюрку. Та, хоть и была крупнее противницы вдвое, задержала шеей и заморгала маленькими круглыми глазками:

— Вы чё, сговорились, да? Да я вообще не знаю, сколько тут у вас мяса с утра было! Может, вы его тут поделили, а на меня сваливаете! Поди проверь, вон, перекрутили уже все, намесили!

— Что за шум, а драки нет? — со служебного входа в кухню вошли четыре женщины. Спрашивала самая старшая — невысокая толстуха лет пятидесяти. Она с интересом и похозяйски оглядывала раскрасневшихся поварих, бледную Шурочку, сидящую на сиденье от стула, положенном прямо на пол, невозмутимую прямую и стройную, как балерина, Людмилу, Тосю-дурочку с перемазанным шоколадом лицом, которая выглядывала из своей посудомойной.

Здравствуйте, Лидия Ивановна. Вот, увольняю Анну Михайловну за халатное отношение к работе. Месяц уже не может санитарную книжку оформить, мне санэпидемстанция второе предписание составляет, скоро штрафовать начнет. Забирайте ее отсюда куда-нибудь, хоть на свиноферму, там анализы не проверяют. А нам пришлите другую повариху.

— Да пропадите вы все пропадом! — Нюрка развернулась и ушла, чуть не столкнув с дороги Наталью.

— Ну-ну — повела бровью Лидия Ивановна, — я скажу Евсею Савельичу, что Нюра Бригг опять без дела. А вот откуда взять новую повариху... Рай, — повернулась она к одной из своих спутниц, полной девахе лет двадцати пяти, — ты же нянькой в саду два месяца проработала. Санитарная книжка действует еще?

— Да, Лидия Ивановна, еще два месяца действует.

— Вот, в самый раз, как раз до конца уборочной хватит. Давай выходи завтра в столовую. Берешь ее, Людмила?

— Беру. Если что не поймет с первого раза, ее Шурочка подстрахует! — кивнула Людмила в сторону девушки.

— А чего это она у вас на полу сидит?

— Да голова закружилась маленько, душно тут у нас.

Да? Это от неправильного питания. Студенты все неправильно кушают, я помню, сама техникум кончала. Булочки, пирожки. А надо овощи кушать, в них витамины, — рассуждая, Лидия Ивановна прошла в глубь кухни — остальные тетki потянулись следом, — дошла до плиты, заметила сковороду с зажаркой для борща и той ложкой, которой Шурочка помешивала овощи, начала есть прямо из сковородки. — М-м-м, вкусно как! Я так люблю такую заправку для борща! Дома как сделаю — по полсковородки прямо съедаю.

— Наташ, а кто это? — спросила Шурочка у Натальи, которая помогала ей подняться с пола. — Командует, зажарку мою жрет. Мне что теперь, заново все делать? Надо было горсть соли кинуть.

— Это жена директора совхоза, она у него отделом кадров заведует. Райка — уборщицей в конторе, Светка и Зойка — из бухгалтерии.

— Ой, — опомнилась директорша, — я почти всю зажарку съела! Раечка, давай приступай к новой работе. Детонька, покажи ей, где у вас морковь, свекла и все остальное, Раечка сейчас новую заправку сделает.

Шурочка покорно повела Раю в хозблок и села вместе с ней чистить новую порцию овощей — картошка в бульоне уже сварилась, пора было кидать заправку и капусту.

— Девочки, девочки, что-то вы никак не проснетесь! Давайте уже готовить обед! Кто тесто катает для пельменей? — командовала в соседней комнате Лидия Ивановна. Директорша!

* * *

Шурочка плыла по черной глади пруда. Вода была теплая, но мутная, а Шурочка как-то так умудрялась скользить по ее поверхности, что намокали только лапки и серые перышки на животе. Плыть было немного страшно — от берега вон как далеко отгребла. А здесь, над глубиной, она чувствовала себя не очень уверенно, вертела по сторонам головой на длинной шее, хотя лапками работала проворно. Интересно было, а как там, еще дальше, на середине пруда, над большой глубиной, где плавают взрослые утки? Уток на этот раз почему-то не было. Где же они? А вон плывут от другого берега. Шурочка еще усерднее заработала лапками — хотелось туда, к взрослым. Впереди птичьей группы плыла большая, толстая клювастая гусыня с рыжими перьями на макушке и с черными линиями над круглыми глазами. «Кыш-ш-ш, кыш-ш-ш, — зашипела она на Шурочку и замахала на нее серыми крыльями, поднимая мутные брызги. — Ты гадкая, гадкая. Гулящ-щ-щяя!»

«Ты сама гадкая», — сказала ей Шурочка, и гусыня вдруг стала терять форму и превратилась в клеенчатую надувную игрушку, в тряпочку, из которой вышел весь воздух. Тряпочка немного покачалась на поверхности пруда и медленно погрузилась в темную глубину.

А Шурочка расправила крылья — они стали сильными, белыми — и взмыла в воздух, оставляя внизу теплую муть пруда. В чистом синем небе летать было здорово и приятно.

«Какой хороший сон!» — Шурочка полежала еще несколько минут, переживая восхитительное ощущение полета. Настроение исправилось окончательно. Людмила решила, что теперь поварахи будут работать через каждые два дня, поэтому завтра Наталья работает с Раечкой. А сегодня Наталья отпустила Шурочку сразу после обеда. Премировала за сообразительность! Шурочка придумала, чем кормить народ на ужин, — очень кстати вспомнила мамин рецепт. Берется капуста, режется крупными ломтями, ломти слегка отвариваются в подсоленной воде, затем обжариваются в сливочном масле и заливаются яйцом. Вкусно! И мяса никакого не надо. Капусты в кладовой было вдоволь, яиц тоже оставалось предостаточно, возни с этим блюдом было немного, вот и отправила Наталья Шурочку отлеживаться после утренней нервотрепки. И правильно сделала. Голова не кружится, сердце не щемит, и ближайшее будущее уже не кажется ей таким безрадостным.

«Интересно, сколько времени?» — в комнате горел свет, значит, уже вечер. Шурочка пошарила под подушкой, нащупывая часы: сняла перед сном, ремешок натирать начал.

Начало девятого. Ничего себе она спит! Четыре часа продрыхла! И девчонки не разбудили! И ужин пропустила! Шурочка вспомнила, что где-то в сумке у нее была припрятана маленькая шоколадка, перевернулась на живот, вытянула сумку из-под кровати и полезла искать, стараясь вслепую нашарить шоколад в кармашке сумки. Под рукой зашуршала бумага. Письмо! Шурочка спустила ноги с кровати. Она совсем о нем забыла! Как хорошо, что у нее хватило ума не отправлять его домой!

Шурочка вытащила конверт, смяла его и засунула в карман джинсов. Шоколадку тоже вытащила, сняла обертку, смяла и тоже засунула в карман. Потом поднялась и, пережевывая шоколад, отправилась на улицу, к «санитарным удобствам».

На бревнышке у пруда сидели двое. Шурочка задержалась у двери сортира и вгляделась: Оксана и Борюсик. Борюсик хватал Оксану за руки и прижимал их к своей груди, а Оксана хохотала, запрокинув голову, отнимала руки и что-то приговаривала. «Нет, Боря, нет, какая измена жена!» — услышала Шурочка.

«Так, теперь он ее замуж зовет. Ну, орел!»

Весь народ, оказывается, собрался на танцплощадке. С одной стороны кучковались парни, украдкой отхлебывая из бутылки. Видно, раздобыли самогон. С другой стороны сидели на скамеечках рядком девчонки, орешки кедровые шелкали. Эльки и Иры не было видно, а Леночка сидела чуть в стороне и радостно замахала руками, увидев Шурочку:

— Сюда иди, сюда!

— А где девчонки, не знаешь?

— В библиотеку пошли, она у них на том конце деревни. Директор разрешил книжки студентам выдавать. Хочешь? — Леночка протянула Шурочке горсть крупных темно-коричневых семян.

— Давай. Откуда орехи?

— Васька Перец угостил, целый кулек дал. Они с мужиками в лес ходили шишковать. Говорит, десять мешков ореха нашелушили. Ой, а знаешь, как кедровые орехи собирают? Васька рассказывал: втроем берут бревно потяжелее и колотят им, как тараном, по кедру. Шишки сыпятся сверху, они их собирают потом и орехи лушат.

— Выковыривают, что ли?

— Нет, Васька рассказывал: как-то так они шишки молотят, что орехи сами выскакивают, я не очень поняла. Правда, вкусные? Васька говорит, что он их потом на костре калил.

— Вкусные. Слушай, Лен, я смотрю, Васька тебя совсем приручил.

— В смысле?

Ну, ты же на первом курсе какая была, помнишь? Ребят стеснялась, как дикарка! Помнишь, Тохтарев пришел за конспектами, с тобой разговаривает, а ты аж в угол кровати забила, покраснела вся и смотришь оттуда на него дикими глазами!

— Да ладно, дикими, скажешь тоже! Просто не хотелось с дураками разговаривать!

— А с Васькой хочется?

— Хочется! С ним весело, интересно и совсем не страшно!

— А у тебя уже с ним что-то было?

— Ну, целовались мы.

— У вас серьезно?

— Ты что, сбрендила? Чего у меня может быть с ним серьезного? Так, подружим, пока я здесь, и привет. Узнаю хоть, как с мужиком целоваться, чтобы перед любимым парнем не опозориться. А ты что с Васяткой всерьез, что ли, рассчитывала закрутить?

— Ой, Лена, я сама уже не понимаю, на что я рассчитывала. У меня как будто короткое замыкание в мозгах случилось. Тоже хотела, как ты, просто попробовать, а из этого такой концерт получился. Мамаша его сегодня, знаешь, что в столовой заявила? Что я гулящая и что мы вчера три кило говядины съели.

— Она что, взбесилась? Не ели мы никакой говядины!

Конечно, не ели, она сама ее вчера стырила, а на меня свалила. Хорошо, бабы разобрались, уволили эту... Нюрку. Не буду теперь ее физиономию видеть. Слушай, расскажи мне про народ из другой группы, я же никого не знаю! Вон тот, кудрявый, кто?

— Вовка Кочетов, узбек рядом — Бабай, его так все зовут. Этот, востроносенький, Сергей, что ли, не помню. Два приятеля слева — Бугров и Гуров. Они на строительстве коттеджей работают, крыши делают. Вон толстый татарин — это Рашид, рядом кореец — вроде Валера. Лохматый, в кирзачах — Женька Линеv.

— Джон Леннон!

— Чего?

— Да я про себя Джоном Ленноном называю, а он и вправду его тезка.

— Точно! — засмеялась Леночка. — Леннон-Линеv! У него роман с этой Любой неживой.

— Почему «неживой»? — удивилась Шурочка.

— А ты посмотри, как она сидит, как стоит — будто вот-вот в штаны наложит или голову с плеч уронит и разобьет.

Как бы подтверждая ее слова, на площадку пришла гренадерша Луиза, подошла к мужской компании, отхлебнула из бутылки и позвала:

— Любка, иди сюда!

Люба, которая сидела к Луизе боком, на призыв среагировала странно. Вместо того, чтобы повернуть голову, как это обычно делают, она развернулась к Луизе всем телом, оставляя голову в неподвижности, потом осторожно встала, будто поднимая до краев налитый сосуд, и зашаркала к противоположной скамейке, словно боясь отрывать ноги от земли.

— Видала, видала? — кивнула на Любу Леночка.

— Видала. Пойдем у пруда посидим! — Шурочка увидела, как к компании Любы и Луизы подошла Оксана и начала со смехом что-то им рассказывать. Наверное, как Борюсик ее замуж звал. Значит, свободно бревнышко!

— Не, не хочу. Сейчас мальчишки музыку вынесут, опять танцы будут, — отказалась Леночка. Шурочка взяла у нее еще горсть орехов и пошла к пруду.

У пруда, вдаль от фонаря, было совсем темно. Луна еще не взошла, подул легкий ветер, и Шурочка угадывала, что темная вода в метре от ее ног колыхнется мелкой рябью.

«Интересно, вода теплая? — подумала Шурочка, вспомнив свой недавний сон. Что ей там шипела Нюрка-гусыня? Кыш, гулящая? — Так, все, покончили с этим. Ничего непоправимого в моей жизни не случилось. Ну, потеряла девственность. Сейчас не средние века, никто

окровавленными простынями не размахивает. Вон, в некоторых племенах специальные жрецы работают в первую брачную ночь, чтобы женихи сами не мучались. Вот и пусть Васятка будет такой жрец-дефлоратор. И слава богу, что он меня послал. А то ведь, дура, так бы и вышла за него замуж. Доярка, блин. Свинарка-скотница».

— Привет, я тебя искал, — рядом с Шурой на бревнышке примостился пьяный Борюсик. — Слушай, — он схватил Шурочкину руку и прижал ее к своей груди: — выходи за меня замуж!

— Борь, а как меня зовут? — Шурочке стало интересно, угадала Ира или нет, что он имени ее не знает.

— Тебя? Да не важно! Выходи, а? У меня папа, знаешь, какой начальник!

— Борь, а познакомь меня с папой!

— Зачем?

— Я за него замуж пойду!

«Идиот, испортил настроение!» — Шурочка поднялась с бревна и пошла обратно к танцплощадке. В стороне кто-то развел костер. Шурочка вспомнила про бумажный мусор в кармане — надо пойти пожечь — и подошла поближе.

— Можно к вам? — спросила она и только потом поняла, что у костра сидят двое — Женька Линева и Люба. Кажется, она помешала!

— Да, конечно, давай присаживайся! — Женька отозвался так радостно, что Шурочка даже заозиралась — может, за спиной кто стоит.

— Мы картошку будем печь. Хочешь?

— А я не помешаю?

— Нет, нет, ты как раз вовремя, — ответила Люба и стала медленно, осторожно, словно стараясь что-то не расплескать, подниматься с чурбачка, на котором сидела. — Лично я уже устала от этих примитивных разговоров. Счастливо оставаться!

— Я помешала. Извини. — Шурочке было очень неловко оттого, что она, кажется, спугнула Любу. — Я ее разозлила, да?

— Нет, это я ее разозлил. Я слишком примитивен для нее! Дурак, короче.

— Ты не похож на дурака.

— А на кого похож?

— На Джона Леннона, из «Биттлз». Слушай, а почему она двигается так странно?

— У нее остеохондроз. Спину ей продуло, тело только ниже талии двигаться может, — ответил Женька и помешал палочкой головешки. — Сейчас прогорит, и будем печь картошку!

— Ой, погоди! — вспомнила Шурочка. — Мне же мусор сжечь надо! — и бросила в костер бумажный комок из кармана. Комок от жара развернулся и показал марку, напечатанную на конверте.

— Письма жжешь? С признаниями в любви?

— С признаниями в глупости! — настроение у Шурочки испортилось окончательно.

Глава 12

«И на фига он мне сдался?» — Шурочка открыла глаза и первое, что вспомнила, — Женьку Линева. По привычке примерила на него корону принца — нет, не то. Вчера они долго жгли угли, потом пекли картошку, потом ее ели и разжигали новый костер. Благо, за дровами далеко не надо ходить — студенты на костры изводили поленницу соседнего Дома быта. Женька все время рассказывал что-то про Колыму, про золото Матросова, про какие-то драги и старателей. Он, оказывается, в Томск приехал учиться с севера. Вырос там в каком-то поселке, судя по его рассказу, самом райском месте на земле: «Талая называется. Он как город, только маленький, на две тысячи человек. И там курорт построили на источниках. Налимы там в речке водятся, знаешь какие! В двенадцать лет такого на жерлянку поймал — на плече нес, хвост по земле волочился. Жимолости, смородины, брусники — море, за два часа ведро собрать можно. А грибы какие! Аж над березами и осинами торчат. Потому что деревья — карликовые!»

Шурочка слушала Женьку вполуха и смотрела на языки пламени, как бы сжигая вслед за письмом все, что с ней приключилось за последнюю неделю. Шурочка посидела у костра часа полтора, потом Женька окончательно утомил ее своей пьяноватой болтовней — тоже ведь отхлебнул из общей бутылки, — и она отправилась спать. У танцплощадки наткнулась на девчонок, и Элька ей сказала: «Шурочка, ты просто становишься роковой женщиной. Вон, Линева у Любы отбила». А Ира Зинченко добавила: «Это он спьяну отбился. А назавтра, как Борюсик, имени Шуркиного не вспомнит». Язва!

* * *

Утром Шурочка вышла на улицу. Под липой чистил зубы Женька.

— Привет! — сказала Шурочка, и он неопределенно кивнул.

«Так! Это что же, права Ирка, получается? И этот теперь еле здороваается? Я что, действительно, только пьяных интересую?» Шурочка разозлилась. В конце концов, она тут вторая красавица, ясно! И не позволит так с собой обращаться!

— Жень, а ты знаешь, как меня зовут?

— Знаю. Александра. — Женька смотрел на нее с легким удивлением и выглядел комично из-за пасты, размазанной по подбородку и щекам. — А что?

— Так, — дернула плечом Шурочка и, гордо держа спину, пошла к сортиру.

— Слушай, — сказал Женька, когда она вернулась под липу, — а ты почему сегодня не в столовке?

— А у меня выходной!

— Вот здорово, и у меня тоже! Пошли после завтрака по деревне гулять!

* * *

Какая она красивая-то, эта Гореловка! Шурочка впервые за те десять дней, что она здесь, обошла деревню от края до края. Длинная главная улица одним концом упиралась в небольшой луг перед лесом, вторым — в заросший травой овражек, за которым простирались совхозные поля. В промежутке помещались деревенская школа, библиотека, клуб, правление, столовая, амбулатория, детский сад и штук пятьдесят домов разной степени «новости». Попадались и слегка посеревшие, не так давно поставленные избушки, и уже совсем темные срубы, выросшие в своих стенах как минимум одно поколение гореловчан. Две параллельные улицы были покороче. Женька с Шурочкой шли к овражку по второй улице, она красовалась новостройками, в том числе и такими новенькими коттеджами, в каком жила Лизавета.

— Вон, завтра буду работать в этом доме, — кивнул Женька на одну из новостроек.

— А что ты делаешь?

— Печнику помогаю. Степаныч печки кладет, я ему помогаю.

— А как печки кладут? Ты уже умеешь?

— Не, не умею пока. Я ему кирпичи подаю, приглядываюсь, штукатурить помогаю.

— А почему на зерносушилку не пошел?

— Да ну, несерьезно там. Я поработал пару дней — целый день слоняемся, как дураки, лопатой зерно ковыряем, с места на место перекаладываем, пылью дышим. Местные парни уже к обеду бухие. По-моему, там совсем не нужна такая толпа работников. Как Степаныч позвал желающих к себе работать, я сразу попросился. Вон красота-то какая, жаль в сарае пыльном сидеть!

Красота вокруг была восхитительной. Сентябрь еще не наступил, но уже анонсировал начало осени, вывесив на эту тему объявление из желтых листьев берез и красных рябиновых ягод. Красного цвета в осеннюю гамму добавляли листья и ягоды ранеток — сибирских яблонек с мелкими, с вишню, плодами. Они были невкусными, вяжущими, горчили. Местные говорили, что их надо после первых заморозков брать — тогда сладкие будут. Дни пока стояли теплые, солнечные, дождик за все время только раз сбрызнул землю. Но по ночам уже прихватывало холодком. Хотя сейчас, в двенадцать солнце припекало так, что Шурочка скинула свитер, завязала его рукавами вокруг бедер и щеголяла в любимой синей трикотажной итальянской маечке. Женька закатал рукава своей гимнастерки до локтя и расстегнул ее почти до пупа.

— Давай руку, — сказал Женька Шурочке, помогая ей перебраться через черное месиво дороги. Грузовики не давали просохнуть проезжей части, перепахивали ее глубокими колеями, которые разрывали натоптаные тропочки. Шурочка оперлась на Женькину ладонь, хотя совершенно спокойно могла и самостоятельно перепрыгнуть через очередную колею. Крепкие шершавые пальцы обхватили ее кисть надежно и бережно да так и не отпустили. Шурочка скосила глаза: Женька шел с совершенно невозмутимым видом, будто просто забыл выпустить руку.

— Ты знаешь, — сказал он, — я сперва думал, что ты из местных. В столовке увидел, помнишь, ты суп пересоленный разливала, думаю, ничего себе какие девчонки в деревне водятся!

— Какие? — пококетничала Шурочка.

— Красивые. А потом смотрю, когда ты на танцы пришла, с нашими студентками болтаешь. Я видел, как ты с Перцем танцевала! Ну, думаю, вот это класс! Кто же их тут в деревне так

танцевать учит!

— Так танцевать учат в институтском Доме культуры! А чего ж ты не подошел? Ты же сам меня в тот день на танцы звал!

— Ну, не мог я сразу подойти. Да и ты очень быстро исчезла. Потом драка эта... Меня Люба все подначивала: «Иди, разними, ты же мужчина!»

«Так он с Любой был!» — подумала Шурочка и, чтобы прогнать внезапную досаду, спросила:

— А зачем она тебя послала? Там ведь мужики поздоровее тебя дрались?

— Да я сдуру похвалился, что был чемпионом по боксу у себя на Севере, а она хотела, чтобы я ей доказал.

— Ну, доказал?

— Да ну, зачем мне в пьяную драку вмешиваться? Тем более что Оксанка не пострадала. Да и разнимальщиков и так было полно.

— А когда догадался, что я студентка?

— Да Вовка в тот же вечер сказал. Знаешь, странно, что я за целый год тебя не заметил. Девчонок твоих заметил и запомнил, а тебя — нет.

— И я! Вовку помню, Бабая помню да почти всех, кто приехал, помню, а тебя — нет.

— А ты с кем на лекциях сидишь?

— Да с девчонками и сажу!

— Странно, правда? — взмахнул Женька руками и выпустил Шурочкину ладонь, и ладонь сразу осиротела. Ну прижилась уже она в Женькиной руке! Уже познакомилась с ее теплом, с бугорками твердых мозолей, уже свыклась с ощущением надежности и защиты.

Они дошли почти до конца улицы, деревянные мостки-тротуары закончились, и буквально сразу у края тротуара в жидкой грязи лежала огромная свинья. Под ровной коркой черной грязи едва угадывался ее цвет: она была, скорее всего, розовая. По крайней мере, розовой оставались макушка, часть уха и кусочек расплывшейся в блаженной улыбке морды. Рыло свиньи лежало чуть ли не поперек натопанной тропки.

— Во, кайфует, а! — позавидовал Женька и опять протянул Шурочке руку. — Держись, буду тебя через свинью переводить.

Они бочком-бочком, аккуратненько обошли щетинистый пятак — свинья приоткрыла глаза в белесых ресницах и похрюкала, мол, осторожно, граждане, на лицо не наступите, но не сдвинулась ни на сантиметр — и встали на краю овражка. Здесь он был чуть шире канавы, а метров через пять вправо овражек разрастался вглубь и в ширину.

По ту сторону оврага зеленел просторный луг, за ним желтело поле. На лугу паслись рыжие пятнистые коровы, на поле — одинокий шустрый трактор.

— Там Мишка сегодня работает, — сказал Женька, — я с ним подружился. Классный парень. И отец у него классный. Пошли к нему!

Женька спрыгнул в овраг и поманил Шурочку: «Давай, не бойся». Шурочка прыгнула следом, и он подстраховал, придержал за плечи и даже как будто слегка прижал к груди. Нет, показалось. Женька уже отпустил Шурочкины плечи, вскарабкался на другой склон овражка и тянул оттуда руку — влезай!

— Ой, — ойкнула Шурочка, выбравшись наверх, — я вся в репьях, как Жучка!

Репьи, мелкие и цепкие, часто-часто расселись на Шурочкиных красных трикотажных штанах. Расставаться с ними репьи соглашались, лишь по отдельности.

— Ну, елки-палки, это же мне на полчаса возни! А идти неприятно — колются! — пожаловалась она вслух. Лукавила. Не так уж они ее и донимали, эти колючки. Но очень уж повод был хорош: повертеться перед Женькой, повытягивать ножку, повыгибать спинку, рассматривая, что там у нее сзади.

— Жень, сзади много налипло?

— Нет, ниже колен только. Давай, помогу. Женька присел сбоку на корточки и начал выдергивать мелкие колючки, а Шурочка протягивала к нему ногу, отставив ее на носок и вытянув в струнку, как балерина. И чувствовала себя абсолютно счастливой.

Мишка-тракторист оказался высоким белобрысым парнем с простым лицом, на котором запросто отражались его эмоции. Радость от встречи с Женькой. Восхищение Шурочкой. Искренность, когда он позвал:

— Женька, мы сегодня баню топим. Хочешь, приходи. И девушку приводи.

— Пойдешь? — спросил Женька Шурочку на обратном пути к овражку — Ты любишь париться?

— Не-а, у меня голова сразу болит. Хотя помыться надо.

— Ну и пойдем вечером, помоемся.

— В смысле? Вместе, что ли? Ты что? — оторопела Шурочка.

— Почему вместе? Я — с Мишкой, ты — с сестрой его. Пойдешь?

* * *

Баня у Мишки оказалась не такой, как у Лизаветы. У той была банька с маленьким предбанничком с лавкой и вбитыми в стену гвоздями для одежды и маленькая парная с печкой-каменкой, которая занимала чуть ли не половину пространства. Достаточно было плеснуть на пол ковш воды, чтобы она наполнилась паром. У Мишки же «баней» называлась довольно приличная избушка. Уж какой-нибудь Бабе Яге места поселиться вполне хватило бы! Предбанник был раза в полтора просторнее Лизаветиного и вкусно пахнул сухим березовым листом. Запах издавали развешанные на стене веники.

Сама парная — темные стены, полки в два этажа, массивная печь в углу — вместила бы человек пять желающих. А уж Шурочке и Аленке, Мишкиной сестренке и вовсе можно было в прятки играть.

Парни отправили их в баню первыми — мол, мойтесь по-быстрому, а уж потом мы. Шурочка и старалась по-быстрому — жарко было и темновато, тусклая лампочка у входа только и давала

света, чтобы шайку с мочалкой разглядеть. Шайка — овалный оцинкованный тазик, мочалка — комок каких-то волокнистых лент, похожих на плоские стебли. Нет, в ванной лучше, решила Шурочка и окатила себя из шайки водой. Но пахло в бане здорово — теперь уже распаренным березовым листом: Аленка замочила в тазу два березовых веника.

— Шура, париться будете? — Четырнадцатилетняя Аленка говорила ей «вы», и от этого Шурочка чувствовала себя важной пожилой теткой.

— Не, Ален, не буду, у меня и так голова болит!

— А хотите, я вам спину потру?

— Потри, пожалуйста, и давай на «ты». Аленка взяла пахнущий хвоей брусок мыла — в тусклом свете был неопределенного цвета, но Шурочка знала, что мыло зеленое. Этим «Хвойным», да еще хозяйственным мылом только и торговало местное сельпо. И шампунями — «Лада» и «Яичный». (Шофера, Шурочка слышала, хохмили в магазине по этому поводу, что, мол, «Лада» — женский шампунь, а «Яичный» — мужской. «Почему?» — не поняла тогда Зинка-продавщица. «Так ведь для яиц же!» — гоготали мужики.) Аленка намылила мочалку-рогожку — та быстренько запенилась — и пенным комком начала тереть Шурочкину спину. Мочалка терла жестко, но приятно.

— Шур, а ты Женю давно знаешь?

— Нет, только вчера познакомилась. Представляешь, год учились в одном потоке — и не помним друг друга. Только здесь встретились!

— Да, представляю, — грустно вздохнула девушка. «Влюбилась она в него, что ли?» — подумала Шурочка и ощутила легкий укол ревности.

— Ален, давай теперь я тебе спину потру. Женька с Мишкой после них парились часа два. И то Женька сказал: это они по-быстрому, чтобы Шурочке не ждать долго. А так и по четыре часа парятся. Шурочка, действительно, заждалась: и блинов успела помочь Аленке нажарить, и чаю уже упилась с медом и черноплодным вареньем, и разговориться с девчонкой успела. Оказывается, Аленка уже скоро должна ехать в район в училище — она на швею учится, да мать у них приболела по-женски, неделю ей еще в районе в больнице лежать. А она, Аленка, пока на хозяйстве: «Да ничё, справляюсь, мужики помогают!» В кухне, где они сидели — дальше в дом Шурочка не ходила, — действительно, было чисто. На полу — дорожки, связанные из нарезанных тряпочек. На стенах — вышивки в рамочках под стеклом и похудевший на две трети отрывной календарь. Шурочка подошла и оборвала листочек — все равно уже день кончается. Двадцать девятое августа. Еще два дня — и снова осень. Какое же короткое здесь лето! Дома, в Ташкенте теплынь стоит до конца октября, в марте уже опять можно в туфельках гулять. Она все два зимних месяца, весь декабрь и январь, в пальто и тонкой вязаной шапочке ходила. Да и то больше из уважения к календарю — иногда такая теплынь стояла, что даже в январе можно было в плаще бегать. А здесь уже в ноябре такие морозы — какое пальто, какая шапочка! Хорошо, мама ей шубку купила искусственную и шапку связала из мохера, отворот на два слоя. Если под мохеровую шапочку надеть тонкую вязаную, а под шубку — свитер и трикотажные шерстяные штаны, вполне можно добежать от общаги до института.

Шурочка отчаянно мерзла всю прошлую зиму, изо всех сил ждала весны. Но даже на Первое мая, когда дома все уже ходили в платьицах и махали на демонстрации веточками с живыми листьями, в Томске хлопьями валил снег, от которого у Шурочки в руках совершенно раскисли

бумажные цветы и листья, наклеенные на голые ветки. Их колонне выдали такие «икебаны», чтобы они махали ими у трибун. Праздник весны все-таки! Весны в этом году в Томске не было — сразу наступило лето. Июнь с первых же дней так вжарил — все моментально разделось до маек. Студенты готовились к экзаменам на крышах общежитий — зубрили и загорали. Июль и пол-августа Шурочка провела дома.

Вторые пол-августа — здесь. И вот лето — кончается...

* * *

— Какие они славные. И Мишка, и Аленка, — подводила Шурочка итог их похода в баню. Было уже часов одиннадцать — долгий, полный событиями, замечательный день заканчивался. — Они почти такие, как в книгах описывают. Ты знаешь, я раньше очень любила книги про деревню, а теперь, наверное, не смогу их читать. На самом деле все здесь не так пьют, дерутся, матерятся.

— Ага, я тоже раньше думал, что в деревне все дружно работают и частушки под гармошку поют. Знаешь, что Мишка сказал? Что они Аленку в район отправили учиться, чтобы она здесь не пропала. Ни с кем из местных парней нельзя всерьез встречаться — пьют и бездельничают. Девчонки, кто остались, пьют и таскаются. Иногда кажется: дали бы автомат — всех бы местных алкашей положил, все равно толку от них нет, вред один.

— Тогда, Жень, во всей деревне осталось бы три-четыре мужика. Мишка, его отец, твой печник и муж Людмилы-заведующей. Может, еще директор совхоза. Представляешь, вся деревня — сплошь одинокие бабы!

— Да им же лучше! Никто не пьет и не дерется!

— Да ладно тебе! Лучше посмотри, ночь какая!

Ночь была исключительная! Луна уже несколько дней была полная, только-только пошла на убыль и сияла в небе почти идеально круглым диском. Звезды пушистыми светляками выстраивали в небе свои созвездия. По козырьку крыльца правления совхоза шелестела серебристыми в ночи листьями яблонька-ранетка.

— Пошли, постоим на крыльце, — позвал Женька и потянул Шурочку (от Мишкиного дома они так и шли, не размыкая рук) в тень под крышей.

Они постояли на крыльце, облокотившись на перильца и касаясь друг друга плечами.

— Хочешь ранеток? — спросил Женька.

— Они же горькие!

— А эти крупнее других, может, не горькие! Я сейчас!

Женька перемахнул через заборчик и, оказавшись в палисаднике, пригнул ветку ранетки и сорвал несколько яблочек. Потом захрустел одним яблочком и протянул второе Шурочке:

— Попробуй, кисленькие.

Шурочка куснула. Яблоки были кисло-сладкие, как с яблони в ташкентском пионерском лагере. Яблони там росли позднего сорта, окончательно созревали в сентябре, но детвора уже

в августе обирала жесткие сочные зеленые плоды.

— Вкусно! — сказала Шурочка. Она стояла на крылечке, Женька — на земле, и теперь он стал одного роста с Шурочкой. Его глаза теперь были на уровне Шурочкиных глаз, близко-близко. Женька смотрел прямо, не мигая. Потом притянул Шурочку к себе — одна ладонь на ее плече, вторая мягко придерживает затылок — и потрогал ее губы своими твердыми сухими губами. От Женьки пахло яблоками и чуть-чуть — табаком.

Глава 13

Как хорошо, как хорошо жить на свете! В последние два дня Шурочка поняла, почему в книжках пишут — «летать на крыльях любви». Именно на них она и летала, не иначе. День в столовке проходил — не замечала как. Картошка, капуста, фарш для котлет, макароны — продукты, казалось, сами, по щучьему велению складывались в первое и второе, она лишь наблюдала за ними. Даже в паре с новенькой Раисой работалось легко. А уж сегодня с Натальей вообще не работа, а праздник!

— Шур, ты прямо летаешь как будто, — разглядела ее крылья Наталья — и светишься вся! Слава богу, оттаяла девка! А то зеленая ходила всю неделю, вон, в обморок грохнулась. Дружишь, что ли, с кем?

— Ой, Наташ, я с мальчиком нашим одним встречаюсь. Может, помнишь, темноволосый такой, лохматый, в форме ходит защитного цвета, на солдатскую похожа?

— Да у вас там половина темноволосых и почти все в таких куртках ходят. Покажешь потом. Хороший хоть парень-то?

— Хороший. С ним интересно. И он такой, знаешь, не грубый совсем!

— Чё, и не поцеловал ни разу?

— Ну почему же... целовал, — порозовела Шурочка. С первым поцелуем у нее вышел конфуз — не умела она целоваться. И Женька учил ее тогда, на крыльце, и она научилась и даже начала отвечать ему движением своих губ. И позавчера, и вчера вечером повторяли упражнения: получалось все лучше и лучше. И ей все больше и больше нравилось обнимать его за шею, прижиматься к его груди, запрокидывать голову и чувствовать, как перетекает с Женькиных губ теплая волна, которая, покалывая, как газировка, сначала наполняет голову, а потом струится по позвоночнику и заполняет ее всю, от пят до макушки. Ночами эта волна вливалась в ее сновидения, и Шурочке снился Женька, снился так подробно и живо, будто и не расставалась она с ним, а так и продолжала у крыльца выпитывать его поцелуи.

Ой, девка, смотри, голову-то не потеряй, а то мы, бабы, совсем шалеем от любви-то! Вон, Зойка из бухгалтерии, помнишь, приходила пельмени лепить? Закрутила с Толиком, шофером томским! Муж ее Петька в район уехал, а она этого Толика в дом-то и привела. Верка-то соседка специально к Зойке с утра прибежала, вроде у нее соль кончилась. Та выходит — лицо довольное, халат на голое тело, видно, как сиськи болтаются, — ну, точно с мужиком поспала! И Толик этот орет из избы: «Зой, ты скоро?» И не стесняется же детей, двое у нее! И славы не боится! Верка ей: «Зой, ты чего это загуляла-то! Петька же узнает!» А та: «И пусть узнает! Импотент!» Представляешь? И ладно бы одинокая была, пусть бы путалась с шофером, так при муже! И Толик этот тоже хорош, как будто у нас мало одиноких баб!

Да, нехорошо получилось, покивала Шурочка. Она уже наслышана была, что почти все одинокие деревенские бабы обзавелись сезонными постояльцами-мужьями. Луиза недавно

пересказывала вроде бы как раз про Толика такую историю. В прошлом году мужики вот так прошоферили на уборочной два месяца и в Томск вернулись. Утром жена будит одного: «Вставай, утро уже», а он спросонья: «А ты корову уже подоила?» — привык вставать на парное молочко!

Шурочка с Натальей уже все приготовили к ужину — сегодня сделали гречку с тушенкой — и составляли в стопки тарелки, готовясь к раздаче. За дверями уже слышалась возня, хотя было еще без десяти семь, десять минут до ужина. Слышимость в кухне была отличная — все перегородки в доме, которые делили помещение на магазин, столовую и кухню, не доходили до потолка и оставляли щель сантиметров в тридцать. Поэтому иногда Шурочка, пока чистила картошку, могла слушать, как Зойка-продавщица переругивается с мужиками, норовившими выпросить спиртное без талонов. И как потом эти мужики матерятся в предбаннике, костеря жестокую Зойкину натуру.

«Так, надо надеть белый халат, нечего стоять лахудрой в подпаленном фартуке — опять животом к плите приложилась!» — Халаты и фартуки висели в хозотсеке, как раз возле перегородки, и Шурочка задержалась там, сражаясь со спецодеждой: рукав закрутился и никак не хотел пропускать руку.

— Слушай, Линев, я не думала, что ты такой дурак. Ты чего с этой Пановой связался? — сказал голос за перегородкой. Говорила гренадерша Луиза. Шурочка перестала сражаться с халатом и замерла. — Нет чтобы у Любы прощения попросить, помириться: ты закрутил с этой Шуркой!

— Луиза, это не твое дело, — прозвучал абсолютно спокойный Женькин голос.

Не мое? Смотреть, как мучается моя лучшая подруга, — не мое дело? Смотреть, как тебе, глупому молокососу, какая-то блядь голову морочит, — не мое дело? Нашла тебя, идиота свежего, нецелованного, развлекается, а ты и рад! А Люба страдает! Да ты знаешь, что эта Панова тут уже со всеми перетаскалась? С Васькой Бриггом крутила, к Кислому бегала прошлой ночью — мужики сегодня на сушилке сказали, видели в шесть утра, как из его избы выскочила, трясла кудрями своими и задницей в красных штанах.

«Неправда, неправда! Я в шесть утра из спортзала выскочила, в столовую бежала! И вообще я сегодня в джинсах весь день!» — Шурочке хотелось заорать во весь голос. Она даже воздуха в грудь набрала, а потом выпустила его потихоньку, сдуваясь, как старый воздушный шарик.

— Наташ, пожалуйста, покорми их одна, мне нехорошо, я пойду, — попросила она повариху ровным голосом, бесцветным и вялым. А как еще может говорить старый сдувшийся шарик? И пошла к служебному выходу.

— Шура, Шура, что случилось-то, — всполошилась Наталья, но Шурочка уже не слышала ее. В дверь принялись барабанить голодные студенты — время ужина! — и Наталья пошла открывать.

«Все кончено, все кончено, все кончено», — два слова крутились в Шурочкиной голове бесконечной бессмысленной лентой. Права была мама, верны были предчувствия — она перемазалась такой грязью, что теперь не скоро отмоется. Аукнул ей Васька, аукнул так, будто палкой сшиб на взлете. Шурочка припомнила недавний сон, где она летала белой лебедью. Никакая она не лебедь. Гадкий утенок она. В груди, где еще полчаса назад бурлили пузырьки счастья, теперь образовался ледяной твердый комок. Все кончено, все кончено. Не будет больше Женькиных твердых ласковых губ, не будет нежных прикосновений пальцев к ее щекам. Не будет легких, как бы нечаянных касаний ее груди. Пропади он пропадом, этот

Васятка! Пропади пропадом она сама, что пошла с ним тем вечером! Два дня, подожди она всего два дня — и приехал бы Женька, и они обязательно подружились бы, и никто не посмел бы сказать ему, что она — блядь!

Шурочка опустила на какую-то скамейку у какого-то забора, спрятала лицо в ладони и тихо заплакала, абсолютно не представляя, как ей теперь возвращаться в спортзал, и как встречаться глазами с Женькой, и что теперь скажут девчонки.

— Кто это здесь? Шур, ты, что ли? Ты чего это? — потрогала ее за плечо Лизавета. Оказывается, Шурочка пришагала к ее двору — сработал автопилот. — Зайди в дом, зайди, чаю тебе налью, как раз вскипел. Пойдем!

В знакомой чистой кухоньке Лизавета усадила Шурочку на табуретку у окна, налила свежего чаю в большую чистую чашку, размешала в ней три ложки сахара, плеснула чуть коньяка и протянула Шурочке:

— На, пей!

Та сделала глоток и аж закашлялась, так шибанул в горло коньячный дух. Комок в груди от этого духа подтаял и провалился в желудок.

— Что случилось-то? У тебя такое лицо, будто умер кто?

— Я умерла.

— Вот дура-то! Чего умерла-то? Живая-живехонькая, мертвые так не ревут! Так что случилось-то?

— Лиз, мне ваш Васька всю жизнь поломал. Теперь вся деревня сплетничает, говорят, что я со всеми таскаюсь. Говорят, я сегодня от какого-то Кислого в шесть утра в красных штанах уходила. А у меня Женька... А я даже не знаю, кто он, этот Кислы-ы-й, — теперь Шурочка рыдала в голос.

Кислый — это наш деревенский водитель, директора возит. И чего это ему с тобой таскаться, когда у него с Тамаркой любовь? Слушай, Шур, я поняла! Тамарка же волосы остригла и химию сделала, у нее теперь прическа точь-в-точь, как твоя. И худенькая она, и ростом с тебя, и штаны у нее есть вельветовые малиновые. Вас перепутали, точно перепутали!

— Лиз, какая теперь разница: перепутали, не перепутали, если даже мужики теперь про меня сплетничают.

— Слушай, да перестань ты, в самом деле. Даже мужики! Да они первые сплетники у нас в деревне, даже чего не было, сочинят и нахвастают. Думаешь, про меня не плетут что ни попадя? Вон, Колька дрова привез, помог выгружать, два часа машина у ограды стояла — все, деревня чешет языками, что мы с ним спим. Наплюй ты на них, каждому идиоту рот не заткнешь. Ты свою правду сама знаешь, вот и ходи королевой. А начнешь оправдываться — совсем заклюют. Ну, хватит реветь! Все у тебя образуется, вот увидишь!

— Да, да, я сейчас, я перестану.

Шурочка посидела у Лизаветы с полчаса, допила чай и почти успокоилась. Что ж, примет она эту расплату за легкомыслие. Прощай, Женька, извини, что не сложилось. У тебя все будет хорошо. И у меня все будет хорошо.

* * *

Шурочка брела по деревне и смотрела на палисадники в желтеющих листьях, на окна в разномастных наличниках, отвечала на приветствия — в деревне здоровались все: и знакомые и не знакомые. Она как бы прощалась с тем кусочком жизни, в котором жила Шурочка. Та Шурочка, что умерла полчаса назад. Новая Шурочка стремительно обростала жесткой коркой, за которую отныне она не пустит никого. Оказывается, это очень больно — взрослеть.

— Шура, Шура, куда же ты пропала? Я всю деревню обегал, тебя искал! Повариха сказала, что тебе стало плохо и ты ушла домой, я прибежал в зал, а тебя нет! Что случилось? — Женька догнал ее, развернул, держа за плечи, и взволнованно заглянул ей в лицо.

— Я слышала, что тебе сказала Луиза, я думала, ты ей поверил!

— Шура, Луиза — дура и сплетница!

— Но про Ваську правда. Я замуж за него собиралась.

— Да плевать мне на твоего Ваську! И на всех остальных плевать! Ты что, не понимаешь, я же люблю тебя!

Женька взял Шурочкино лицо в обе ладони и стал осыпать его мелкими поцелуями, а потом нашел ее губы, и в Шурочку потекла знакомая волна из пузырьков счастья. Волна сначала наполнила голову, а потом пузырьки заструились вниз по позвоночнику, разбивая дурацкую корку и заполняя Шурочку всю целиком, от пяток до макушки.

«М-у-у-у», — прокомментировала картину рыжая в белых пятнах корова. Стадо возвращалось с пастбища, и коровы осторожно обходили целующуюся парочку, с достоинством покачивая тяжелым выменем, переполненным молоком.

— Во дают, городские, — присвистнул мальчишка-пастух, и Шурочка счастливо подумала, что у деревенских появилась новая тема для сплетен.

Эпилог

Шурочка рассматривала старые фотографии: Женька, она, — какими же молодыми они тогда были! Какими глупыми! И какими славными! С Женькой они до постели добрались через три месяца, а потом как ошалелые открывали для себя прелести секса, сбегая с лекций и отправляя Женькиных соседей по комнате в кино на две серии. Девчонки, помнится, критиковали ее за «распущенность» и сами держались до конца третьего курса. А потом все трое закрутили романы: Элька — с дипломником с пятого курса, Леночка — с Игорюней, а Ира Зинченко — с инженером во время практики и потом она даже вышла за него замуж. Их группу в начале третьего курса опять отправили в Гореловку, но Шурочка не поехала, была уже беременна. Леночка потом рассказывала, что Вася женился на своей скотнице и у них родился сын.

Часы на кухне начали отбивать время — уже четыре. Как быстро пролетело время, наполненное воспоминаниями! Шурочка пошла проверять, как там в духовке чувствует себя пирог с брынзой — муж вот-вот приедет, дочь к вечеру прибежит голодная, надо же хоть раз в неделю их побаловать! Пирог чувствовал себя отлично — пыхтел пышной корочкой и источал запах теста, брынзы и зелени.

В замке заворочался ключ, и Шурочка пошла встречать мужа. Он ушел сегодня рано, она еще

спала. Первыми в двери вошли красная крупная роза на тонком длинном стебле и узкая бутылка с красным вином.

— Принимай, мать, будем праздновать, — сказал Женька.

Шурочка приняла дары, чмокнула мужа в губы и спросила:

— А что празднуем?

— А то, что я женат на самой талантливой телеведущей и на самой красивой женщине года! — ответил Женька и протянул ей свежий номер журнала-телегида. На обложке улыбалась Шурочка, как бы подтверждая реплику из своего интервью: «Я не стремлюсь казаться. Я стремлюсь быть».

mir-knigi.org